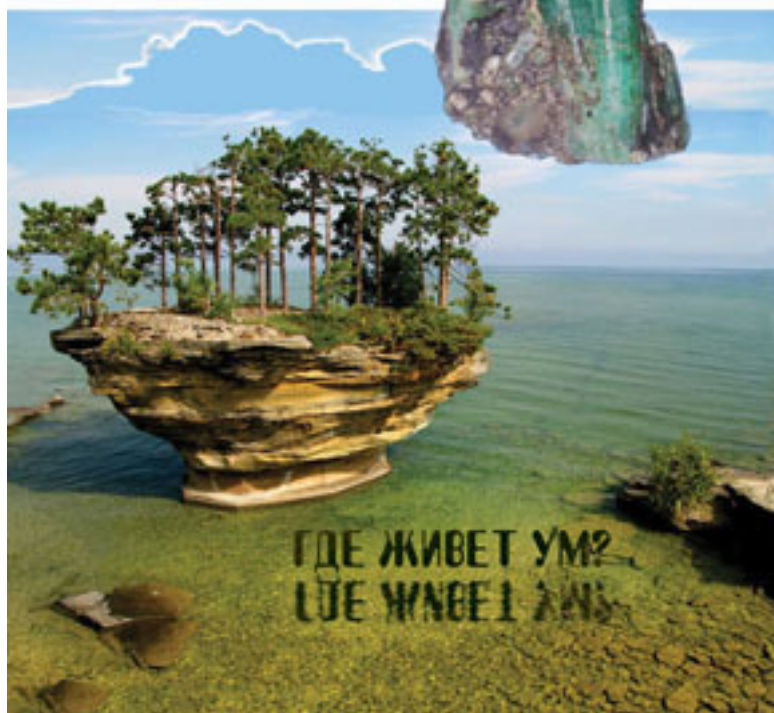

СЕРГЕЙ
ТЮЛЕНЕВ

ГДЕ ЖИВЕТ УМ?
ГДЕ ЖИВЕТ ДУША?

Сергей Тюленев

Где живет ум

«Э.РА»

2004

Тюленев С.

Где живет ум / С. Тюленев — «Э.РА», 2004

Бывает, в Африке, на перекрестке дорог, стоит большой кристалл кварца. Путник, в размышлении о выборе пути, останавливается, заглядывает внутрь кристалла и преломленный в природных гранях солнечный луч указывает ему дорогу. Эта книга — продолжение рассказов о жизни Глеба Белова, пятидесятилетнего мужчины, который тоже стоит перед выбором. Блеск алмазов, опасные приключения, молодая женщина, яркий свет событий затмили отраженный в кристалле свет, и он очень долго шел другой дорогой.

© Тюленев С., 2004

© Э.РА, 2004

Содержание

Намибия	5
Часть 1	5
Часть 2	13
Часть 3	19
Москва	30
Часть 1	30
Часть 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Сергей Тюленев

Где живет ум

Роман

Самый твёрдый камень – алмаз; горит голубым пламенем

Намибия

Часть 1

«Нет-нет, спать нельзя: засну, а эта свора оборванных и голодных негров накинется на меня, и глазом моргнуть не успею. В сон клонит... Хочется, чертовски хочется спать! День был такой длинный и, похоже, самое страшное еще впереди...» – рассуждал Глеб, лежа на полу в камере Центральной намибийской тюрьмы.

...А утро начиналось так хорошо! Проснулся в отеле «Сафари». Солнце наполнило комнату жарой; птицы оживленно обсуждали свои утренние дела и носились за окном, словно бумажные самолетики; в ванной комнате громко плескался Алексей – молодой и сильный телохранитель, которому больше нравилось модное слово «секьюрити».

– Глеб, ты уже проснулся? – ревел тот из ванной комнаты, заглушая шум воды. – Давай-давай, поднимайся! Я уже пробежался, сделал зарядку, а ты все валяешься! И вообще – если бы не предстоящая встреча, погнал бы я тебя на пробежку, а то вон, брюхо уже выросло... Мастер кунг-фу фигов, трех минут боя не выдержишь – задохнешься!

– Не зуди, – потягиваясь в кровати, парировал Глеб утренний наезд на свою «красивую» фигуру в области живота. – А главное, запомни раз и навсегда: бой должен быть коротким. Три минуты – это спорт. В жизни так: фазу не одолел, потом можешь победу и не догнать.

– Ну, это понятно, – улыбнулся Алексей, выходя из ванной комнаты. – Ты этой своей восточной философией любую лень объяснишь. Давай, поднимайся, я есть хочу. Так хочется графинчик маракуйи со льдом, бекончик с яйцом, кофеек с ароматом востока, в ма-аленькой такой кружечке. Да, все-таки здоровская придумка: шведский стол! Подходи сколько хочешь – никто слова лишнего не скажет! Только черненькие из obsługi улыбаются, как китайские болванчики головками кивают, а я ем и балдею...

«...Правильно, нужно в памяти весь день прокрутить, – продолжал Глеб рассуждать и бороться со сном. – Может, и ночь быстрее пролетит... А там глядишь, и «посольские» утром подтянутся, вытащат меня из... хм-хм... Смешно. Меня, бывшего секретаря райкома партии – из тюрьмы в Африке! Да кому десять лет назад рассказать – не поверили бы! Жил себе, на работу ходил, зарплату получал, а теперь все вверх дном... Правильно говорят: ни от чего зарекаться нельзя. Нет, точно сейчас засну! Веки окаменели... Нужно подниматься, встряхнуться; может, попробовать отжаться несколько раз? О-о, вон как смотрят братья негры своими белковыми глазами; за каждым моим движением следят, боятся. Чувствую, сами боятся».

– Эй, русский! – Глеб обернулся. Прямо напротив него за решеткой стоял охранник в старой и мятой форме с перекрещенными шпагами на погонах. – Деньги есть? Если есть, то могу сбегать за водой и курицей, но десять баксов мне!

...Утром, отправляясь на встречу сразу после веселой перепалки с охранником, Глеб надел свой любимый колониальный костюм. Аккуратно по карманам и всяким «пистончикам» распределил деньги, документы, маленький пистолет и телефон; особое место в нагрудном

кармане заняли иглы дикобраза. Еще в Танзании его научили пользоваться этим оружием, которое не звенит в аэропорту, но является «славным» аргументом в конфликте, особенно при встречах с промышляющими в вечернее время на улицах Дер-Салаама многочисленными группами попрошаек и воришек.

Выйдя из номера, он улыбнулся милой паре туристов-англичан, спустился на сверкающем зеркалами лифте и пошел к выходу из отеля.

Задержание было очень странным – его даже не обыскивали. Как только он вышел на улицу, сунули в лицо полицейские корочки, показали на машину и попросили пройти в автомобиль. Сейчас же, в камере, от ареста в памяти сохранились только путающиеся мысли и рассуждения о том, что делать: бежать или нападать.

– Ну, так что? – снова обратился охранник.

– Деньги говоришь, – сказал Глеб и вытащил из узкого карманчика двумя пальцами сто-долларовую купюру. Охранник расплылся в улыбке, обнажив шикарные белые зубы.

– О! – сказал он. – Другой разговор!

Глеб окинул взглядом камеру.

– Себе возьмешь десятку, а на остальные деньги купишь воду в маленьких бутылках, жареных цыплят... И не вздумай финтить, я проверю!

«...Полицейская машина была старым микроавтобусом марки «Фольксваген-бас...» – после ухода охранника Глеб вернулся к воспоминаниям прошедшего дня.

Его посадили на заднее сидение, кругом была пыль и грязь, из рваной дерматиновой обшивки выглядывал уже пожелтевший и крошащийся поролон. «Так, наручники не надели, одежду не досмотрели – опера называется! Хорошо, что мы перестали учить вас работать... Благодаря вашей тупоголовости у меня появился шанс избавиться от улик», – начал анализировать сложившуюся ситуацию Глеб. В его карманах лежали ключи от «БМВ Х5», паспорта двух граждан Намибии и – хитрый пистолетик на две пульки, провезенный в багаже в разобранном виде.

Решение пришло сразу. Не суетясь и глядя в упор на сидящих боком полицейских, он начал запихивать в рваные сиденья ключи, паспорта и пистолет.

«А!! Взяли, да?! Как бы ни так! – стали радостно и хаотично летать мысли в его напряженном сознании. – Отличная школа была в Советском Союзе, научили выживать. Молодец! Ах, какой я молодец! Теперь чист и никаких улик... Все, да еще и практически на глазах у полицейских, скинул в спинки передних сидений, и теперь вам никогда не догадаться и никогда ничего не найти! Эх, сейчас бы граммов сто водочки для куража и снятия стресса...»

Мысль о стаканчике холодной водки вызвала произвольный глотательный рефлекс, воспоминания прервались, возвращая Глеба в реальность происходящего.

– Да-а, – протяжно и громко произнес он на русском языке. – Эй, мужики черные, вы понимаете, где – я, а где – водка?

Негры обернулись – впервые с момента заточения он заговорил с ними. Его сильный голос и крупная фигура немного напугали сокамерников, и те, не понимая слов, с легким напряжением стали всматриваться в лицо Глеба, пытаясь определить серьезность его намерений.

– Не понимаете? Вот и я не понимаю, что я тут делаю среди вас, братьев-разбойников... А давайте все вместе сорвемся в побег? Охранники принесут еду, откроют камеру, а мы их хлоп и – в дамки! – Глеб сопроводил слова размашистым жестом сжатой в кулак руки и тем самым еще больше напугал отодвигающихся в угол негров.

Заскрипела дверь, и перед решеткой появились двое полицейских с ящиком воды и пакетом ароматно пахнущих кур.

– Эй! – крикнул один из них. – Русский угощает!

Фраза прозвучала, словно выстрел из стартового пистолета. Все кинулись на решетку, и только небольшое пространство вокруг Глеба по-прежнему оставалось свободным.

«О-о, – подумал он, – смотри-ка, это уважение. Или страх. Ко мне-то приближаться не стали...»

В следующую секунду полицейский протянул и ему бутылку с водой и большой кусок птицы, который он смачно оторвал от тушки своими грязными руками.

Взяв только лишь бутылку воды, Глеб тут же, опустившись на корточки, принялся медленно пить, чувствуя, как чистая вода приносит ему долгожданное расслабление.

Теперь можно было спокойно и внимательно приглядеться к окружающим его людям. Первое, что бросилось в глаза – они все были разных народностей.

Так, рядом с ним стоял черный, как уголь, негр. И если бы он задумал ночью играть с вами в прятки, то ему достаточно было бы закрыть глаза и рот, и ни у кого не было бы никаких шансов найти его. Неожиданно в голову Глебу пришло забавное женское высказывание о крепких мужских попках, как о символе сексуальности. Эта мысль залетела в его сознание потому, что у этого экземпляра сзади было что-то похожее на надувные шары, заправленные в штаны. В углу прижались друг к другу маленькие, как подростки, бушмены. Они считались хорошими охотниками и следопытами. Рядом с ними, уже проглотив еду, толкалась группа молодых парней в рваной одежде; язык, на котором они говорили, был африкаанс, но тараторили они так быстро, что разобрать смысл было практически невозможно.

Теперь, после ночного ужина, утолив жажду и голод, соседи перестали вызывать у него чувство опасности. Стресс, вызванный арестом, уступал место наползающему, как лава, желанию спать. «Почему бы и нет, – сказал он сам себе. – Похоже, маневр с едой принес мне хорошие дивиденды». Удобно расположившись на выдавшем виды подобии коврика, он мгновенно заснул.

Утром охранник, безуспешно пытаясь разбудить Глеба голосом, толкнул его своей деревянной палкой, служившей ему подспорьем при усмирении разбушевавшихся заключенных.

– Русский, русский! Вставай, к тебе пришел твой посол! Давай, поднимайся!

Глеб подскочил мгновенно и, поняв по выражению лица конвоира, что агрессии против него нет, и палкой его просто вежливо будили, направился к открытой двери камеры.

Тюрьма была маленькая. Быстро пройдя коридор до конца, они вошли в помещение, выкрашенное в ядовито-зеленый цвет; посередине стоял стол и два обычных пластиковых стула, окно за решеткой наполняло все помещение светом и сладким, свежим воздухом.

– Господин Белов, присаживайтесь! Я – консул посольства России в Намибии, Юдин Николай Васильевич.

И, пока одетый невыразительно, а главное – неаккуратно человек представлялся, в голове у пленника начали выстраиваться фразы, заготовленные специально для разговора с официальным представителем посольства.

– Расскажите мне, Глеб... – Консул заглянул в потрепанный блокнотик. – Михайлович: как это вас угораздило попасть в тюрьму? Нам в посольство никаких официальных бумаг из полиции не поступало, и я абсолютно не владею ситуацией.

– Понятное дело, – бодро ответил Глеб, удобно располагая руки на столе. – Меня только в воскресенье арестовали, вчера утром то есть, у входа в отель. И пока ничего не предъявили. Держат в камере. Может, отечество родное как наедет на этих чертей, да как спросит: как это так – гражданина России кинули в тюрьму без обвинения и объяснения причин?! А вообще, если честно, очень хочется, чтобы все это закончилось, – сменив иронию на серьезный тон, продолжал Глеб. – Прошу вас, разберитесь быстрее, а то заразу какую-нибудь подхвачу – кругом грязь и вонь невыносимая, воды чистой нет... Да вы и сами все знаете, раз тут живете и работаете.

– Странно... Ни с того ни с сего белых здесь на улице не хватают – это одна из самых спокойных стран Африки, да и отношения у нас с намибийским правительством хорошие. Вы, Глеб Михайлович, что-то недоговариваете, а? – Консул вопросительно обмерил своего собеседника довольно продолжительным взглядом. – Может, все-таки есть в запасе какая-то история с запашком? Рассказывайте-ка лучше сейчас... Может, алмазы с рук на улице покупали или в баре подрались? Вспоминайте, мне нужно знать все.

– Ума не приложу, кому я что плохого сделал! Мой бизнес здесь связан с таксидермией, – начал выговаривать Глеб заготовленный еще в камере рассказ. – Покупаю охотничьи трофеи, выделываю их в компании «Накара», – это в индустриальной зоне на севере города, потом вывожу контейнер на Кипр, а уже оттуда реализую клиентам. В основном – для интерьеров и в частные коллекции. Если хотите, в моем телефоне есть все координаты моих партнеров.

– В телефоне? – Консул поднял глаза на Глеба. – У вас при себе есть телефон? Они что, при аресте ничего у вас не изъяли?

– Нет. Деньги, ремень, авторучка, телефон – все в карманах. Задерживали меня у входа в отель «Сафари», я шел на встречу с одним местным. Он предложил на продажу чучело молодой львицы хорошей работы, мне оно сразу понравилось – южно-африканская таксидермия. В прошлую субботу я гостил в его доме, прекрасно провел время и, уходя, дал ему тысячу долларов задатка за львицу. Тогда же мы и договорились, что в воскресенье утром он привезет мне ее, упакованную, в отель. И вот, когда я вышел в назначенный час из отеля, меня задержала полиция и на машине привезла в полицейский участок.

– Все-таки странно, – поднимаясь и направляясь к выходу, произнес посольский чиновник. – Вы здесь один или у вас есть помощники?

– Да, есть, – так же быстро ответил Глеб. – Мы вместе живем в отеле «Сафари», он сейчас, наверное, ищет меня, с ног сбился. Может, вы ему позвоните и хотя бы предупредите, чтобы не волновался? Номер триста два. А может, его и на встречу со мной пропустят?... Дело в том, что через два дня по плану нужно улетать. Я рассказал бы ему, какие шкуры увозить с собой. Если, конечно, вам будет нетрудно сделать это.

– Хорошо, – произнес консул. – Нет, ну, в смысле, ничего хорошего, будем разбираться. – Он убрал блокнот и, даже не сказав «до свидания», на удивление быстро и поспешно исчез в дверном проеме.

Вернувшись в камеру, Глеб новым, утренним взглядом внимательно изучил своих «соседей»: на него смотрели спокойные и где-то даже заискивающие глаза – люди были благодарны за угощение и находились в состоянии ожидания повторения сюрпризов с его стороны.

Присев на коврик, он продолжал думать: как могло все это получиться, где совершена ошибка, и как теперь выбираться из этой зловонной клетки? И что вообще ему могут предъявить? И какой силой располагает посольство? Может, завтра он уже будет свободен?!

Незаметно для себя, а главное, вероятно, по привычке, мысли плавно перешли к рассуждениям о жене.

«...Интересно, что она делает где-то там, в другой жизни? Сидит, наверное, на кухне и кофе пьет, а может, уже работает... Ходит и даже не знает, где я сейчас и что со мной происходит. А может, в шутилой форме взять да и позвонить прямо из камеры?! Да, точно!» – Идея показалась отличной и даже с романтическим оттенком. Закрыв глаза, он представил ее лицо, а потом и ее волнение; она будет рассказывать о детях, внуке и постоянно говорить: мы за тебя так волнуемся, переживаем, ты у нас самый лучший и скоро к нам приедешь...!

– Алле?! Алле?!.. – В трубке раздались гудки. Он отвернулся от всех, ушел в угол камеры и настроился на разговор. Телефон соединился.

– О, Глеб Михайлович собственной персоной! – раздался голос жены. – Ну, что там, как у тебя, когда домой? – Она задавала вопросы один за другим, словно говорила сама с собой.

Глеб молчал. Просто, так хорошо было слышать голос из другого мира... Промелькнула мысль: «Когда изобретут перемещение по телефону, я обязательно этим воспользуюсь. Нажал кнопчку – и уже дома на диване, а из кухни доносятся запахи и звуки приготовления пищи...»

– Эй, чего молчишь? Ты меня слышишь? Ответь же чего-нибудь! – прервала жена его фантазии.

– Слышу, слышу... Тут такое дело, дорогая, – произнес, улыбаясь, Глеб. – Я тут решил для разнообразия переночевать в тюрьме, а то все отели да мотели... Вот, прямо из камеры тебе и звоню. Ночь уже отсидел, теперь завтрак жду. Обещают теплую мамалыгу и сок.

– Та-ак... – протянула жена. – Значит, добегался! А деньги, пятьдесят тысяч, с ними что?..

– Деньги, – повторил он за женой, – деньги буду вытаскивать.

– Что вытаскивать? Опять вытаскивать! Сколько можно?! Скоро пятьдесят лет, а ты все как мальчик по странам скачешь! Я тут работаю – в гору глянуть некогда, деньги зарабатываю, а ты их... неграм раздаешь?! – Интонация в голосе стала железной. – Значит, так! Даже и не думай и не рассчитывай – я помогать тебе не буду. Ты меня понял? Все! Сам залез в эту историю, сам и выбирайся!!

В трубке послышались гудки. Стало понятно, что разговор окончен.

«Женщина волнуется, переживает, – успокаивал себя Глеб, объясняя резкость ее интонации. – Сейчас переведу звонок на самый минимум и поставлю на вибрацию – она перезвонит или напишет что-нибудь ободряющее».

Рука опускала трубку в карман, а уверенность, что его поддерживают, исчезала, просто таяла. В голове образовывался вакуум и пустота. Промелькнула мысль, что лучше бы и не звонил совсем.

«А может, она не поняла серьезности моего положения? – погружался Глеб в размышления относительно телефонного разговора с женой. – И вообще, странные у нас отношения: живем, словно повинность отрабатываем. Двадцать пять лет вместе, а понимание друг друга так и не пришло или наоборот – уже ушло... Боже, как во всем этом разобраться?!.. Может, она меня не любит? Живет по привычке, а возникающие проблемы ее только злят; всегда ей чего-то не хватает... Правильно Пушкин в сказке написал про женщин – все им мало, а мужики у них на поклонах и посылках. Да вот только так в конце можно и у разбитого корыта оказаться... С другой стороны – а какая женщина будет довольна постоянными и опасными командировками мужа? Видимо, мое отсутствие научило ее жить самостоятельно. А зарабатываю я сколько? – перешел на самокритику Глеб. – Всегда не хватает; закрыв один кредит, тут же открываю другой. Постоянно тянемся: нужно одеться хорошо, машины купить... А дача сколько денег высасывает?! Да, точно, все деньги! Помню, кофточку новую купит – глаза горят, восторг! Рассказов по телефону на весь вечер! А вот как придет чернее тучи – значит, в магазинах скидки начались, а денег нет! Тут все плохо: и жизнь не удалась, и платят мне мало, и перспективы никакой... Попробуй, спроси у нее в это время о любви, а уж с ласками и вообще не приближайся... Нет, это нормально, – продолжал рассуждать про себя Глеб, – у всех так. Я тоже бываю не сахар – просыпаешься после хорошего вечернего возлияния, а в спальне хоть топор вешай – запах перегара! И правильно, что она уходит в другую комнату! Каково это: пьяный храп всю ночь слушать! Утром смотреть на себя тошно, а уж ночь провести – так сам бы от себя сбежал... О, опять водка вспомнилась. Нет, вернусь домой, точно меньше буду с друзьями застольничать. Правильно Алексей говорит: живот растет, задыхаться стал, а ведь пятнадцать лет занимался китайской борьбой! В Китай на стажировки летал, силы тогда было о-го-го... Допустим, тело стало вялым, – перескочили его мысли на другую тему. – А дух?! Он и сейчас мне помогает. Знания делают человека сильным, а у меня за плечами такие университеты!.. Дорог сколько пройдено, людей увидено, опыт какой накоплен наконец!!! Сейчас соберусь и придумаю что-

нибудь позакывристей... А кстати, что это они про меня позабыли? Хоть бы на допрос какой вызвали... И «посольский» пропал, сиди тут, жди! Нет уж, пора начинать действовать!»

Глеб поднялся с коврика, подошел к решетке, сделанной настолько крупно, что туда можно было просунуть руку или голову.

– Извините! Меня кто-нибудь слышит? Ко мне может кто-нибудь подойти?

Улыбчивый охранник появился мгновенно.

– Что, русский, пить хочешь? Или что другое? Десять долларов – и я все принесу.

В этот момент опять заскрипела дверь. В коридоре послышались приближающие шаги; секунда – и перед Глебом стоит высокий негр в светлых брюках и красной рубашке с короткими рукавами.

– Мистер Белов, – сказал он дружелюбно, – я – следователь по вашему делу.

Не дожидаясь ответа, он развернулся и пошел обратно, бросив охраннику-снабженцу еще какую-то фразу на африкаанс.

Через пять минут Глеб сидел в той же комнате, где утром беседовал с посольским чиновником. Только сейчас на столе стояла маленькая бутылка воды, лежали местные сигареты и зажигалка, а у окна, спиной к входу, стоял краснорубашечный негр.

– Итак, сэр, я ваш следователь и хочу рассказать вам, по каким причинам вы задержаны, – начал он говорить не оборачиваясь. – Сейчас сюда приедет ваш консул, и мы продолжим, а пока можете попить воды. Если вы курите, пожалуйста, берите сигареты.

– Извините, – начал Глеб, – может, вы, пока мы ждем, хотя бы назовете причину моего задержания и покажете мне какие-нибудь документы? Скажем, постановление об аресте или что у вас там есть.

– Обязательно покажу и все расскажу, – оставаясь в той же позе, произнес следователь. – Вот, я вижу, ваш консул уже идет к главному входу. Давайте секунду подождем и начнем все вместе.

Действительно, минуты через три появился «посольский» с портфелем и стулом в руках. Он шумно сел, быстро достал листы чистой бумаги и, повесив на лицо недовольную гримасу, помахал рукой в знак своей готовности слушать.

– Мне, – начал следователь, – поручено довести до вашего сведения, господин консул, и проинформировать вас, господин Белов, что вы обвиняетесь по статье «Покушение на убийство и овладение чужой собственностью». По нашему закону это деяние карается сроком до девяти лет лишения свободы. Дело в отношении вас... – Теперь он в упор смотрел на Глеба. – Было возбуждено по заявлению гражданина Намибии Метью Нгонго. В своем заявлении мистер Метью указал, что два дня назад, в субботу, вы незаконно проникли в его дом номер 1041 по улице Ондонгаб, напали на него и двух его гостей, надели на всех пластиковые наручники, заклеили рот и учинили обыск в доме. Вами были похищены гражданские паспорта Метью и Джерри, гостя хозяина дома, а также ключи от автомобиля «БМВ Х5» с брелоком от сигнализации. В заявлении также говорится, что вы... – Следователь протянул руку с выставленным указательным пальцем в сторону Глеба. – Угрожали оружием, нанесли тяжелые увечья мистеру Мэтью и его девушке, которая в этот момент тоже находилась в доме.

В комнате воцарилось молчание. Консул, видимо от неожиданности так и не сделав ни одной записи на бумаге, смотрел на Глеба широко открытыми глазами – выражение его лица было растерянным и глупым.

– И что теперь? – выдавил из себя консул. – Есть свидетели, доказательства? Вы оставляете его в тюрьме?

– Конечно! Это серьезное преступление! А свидетелей было трое, они же потерпевшие. В нападавшем они опознали мистера Белова, так что сидеть ему придется долго, – подытожил следователь, поглядывая на российского чиновника с легкой улыбкой.

Направляясь к выходу он, видимо для того, чтобы поставить точку, обернулся и произнес:

– Оставляю вас наедине, даю вам двадцать минут для общения. Вернувшись, начну процедуру допроса.

Понимая, что пора начинать как-то оправдываться и приобретать в лице служащего посольства союзника, Глеб, театрально напряженно покусывая губы и постукивая пальцами по столу, с видом совершенно растерянного человека приступил к рассказу своей версии произошедшего.

– Это какая-то ерунда! Послушайте, я действительно в субботу был в гостях у этого Мэтью – это его львицу я хотел купить. Но я ни на кого не нападал, ничего не забирал, и оружия у меня нет. Пусть полиция досмотрит мой номер в отеле, я уверен: они там ничего не найдут. Потом, какой Мэтью свидетель! Он лицо заинтересованное, а за деньги наговорит сказок в три короба, лопатой не разгрести... В субботу я с Алексеем, моим охранником, подъехал к дому Мэтью на арендованной машине. Алексей не заходил, ждал меня в машине минут десять, а то и меньше. Разве за это время можно столько совершить?! Вы допросите моего товарища, он вам все подтвердит. – Лицо Глеба покраснело. Он входил в роль человека, пытающегося собраться в трудные моменты жизни. – Да, а в номере на столе лежит расписка на тысячу долларов от Мэтью, которая тоже подтверждает, что я приходил посмотреть охотничий трофей. Неужели вся эта история с покушением на убийство состряпана только для того, чтобы не отдавать мне львицу?!

Консул смотрел на Глеба и все больше терялся. Уже три года он работал в посольстве этой тихой и спокойной страны. Редкие инциденты возникали в Свакопмунде, городе, расположенном на берегу Атлантического океана, и обычно они были связаны с подвигами российских рыбаков, отдыхающих в местных барах.

По утрам он приходил в посольство, включал кондиционер, компьютер, откидывался на спинку стула и считал себя занятым на работе. В течение дня он общался с коллегами, оформлял визы студентам, уезжающим учиться в Россию, а вечером тут же, в посольстве, шел в бассейн и плавал, получая огромное удовольствие от царящей вокруг него атмосферы и собственной значимости.

Сейчас же, глядя на Глеба, он терялся в догадках: все казалось ему сомнительным. Утром этот русский говорил, что хорошо провел время в доме у потерпевшего, теперь показывает, что был там несколько минут. А может, он вообще из наших спецслужб, просто об этом не положено знать?... Мысль о том, что теперь придется ходить в тюрьму как на работу, раздражала служащего.

– Ладно, – сказал консул, поднимаясь, – мы назначим вам адвоката посольства, я свяжусь с вашим товарищем в отеле, будем делать все, чтобы вам помочь в этой ситуации.

Профессионально красиво улынувшись, консул вышел из комнаты, опять же – не попрощавшись. Звук его шагов затихал и после дверного скрипа исчез совсем.

* * *

Алексей не отходил от телефона. Куда, ну куда мог пропасть Михалыч?! Почему он категорически отказался взять его на встречу, что у него произошло?! Неизвестность терзала телохранителя плохими предчувствиями.

– Так, – рассуждая вслух, расхаживал по пустому номеру отеля Алексей. – Неужели черти его похитили? Напали и силой увезли? Или как-то обманули и он сел с ними в машину? Все сам да сам, босс чертов! Пропал, а тут голову ломай, чего делать... Давай, давай звони!!! – Он взял телефон в руки. – Давайте уже хоть кто-нибудь звоните!!!

В дверь номера постучали.

– Что?! – на русском и очень громко выкрикнул Алексей.

Стук в дверь повторился и был более настойчив.

– Да кто там?! – крикнул он еще громче, вспоминая, что дверь закрыта. Это Глеб научил его и развил умение до автоматизма: заходя в номер, поворачивать внутреннюю задвижку.

Распахнув дверь, Алексей еле устоял против хлынувшего на него потока людей, бесцеремонно заполняющего все пространство номера.

Говорил на английском Алексей плохо. Надо сказать, что и люди, ворвавшиеся в комнату, тоже не отличались чистотой произношения, однако понять, что перед ним полиция и что в номере начинается обыск, оказалось нетрудно.

Пока поднимались матрасы, открывались чемоданы и прощупывалась одежда, Алексей присел на стул у окна и, поглядывая с легкой улыбкой на уже вспотевших полицейских, начал складывать логические мостики между происходящим в номере и пропавшим шефом.

«Если полиция в номере, это значит, – покусывая ноготь, продолжил размышлять Алексей, – что Глеб у них, а не пропал. И главное – он избавился от своих трофеев и пистолета, иначе бы они тут не шустрили. Ищите-ищите! – Настроение у охранника становилось игривым. – Старайтесь! Дырку вам от бублика не найти – все у нас продумано и состыковано. Мы тут шкуры покупаем, честные бизнесмены, все по закону. И что вообще они тут потеряли? Кстати, и бумажку на обыск мне не показали... Жаль, языка не знаю, а то бы я им сейчас выдал!»

Когда полицейские остановились и перешли к разговору между собой, Алексей поднялся, развел руки в стороны и громким голосом произнес:

– Финиш! – И, понимая, что русского языка они не знают, добавил: – Вот уроды! Пошли отсюда к вашей черной бабушке, и задницы свои вонючие уносите!

Полицейские медленно потянулись к выходу, наступая на разбросанные на полу вещи. Было видно, что они недовольны и устали. Алексей, провожая непрошенных и изрядно вспотевших гостей, вышел из номера в общий коридор. У входа в соседний номер стояли две горничные – лица их были напуганы и растерянны.

– Сюда, – опять на русском произнес Алексей. – Номер уберите, чего стоите?! Курицы! Кто вас так нарядил во все белое? Вы что тут – невесты?! Тряпки в руки и работать! Ну, что глазками захлопали?! Не понимаете?! И чему вас только в школе учили! Точно, курицы!

Настроение его было веселым и воинственным. Проходя мимо горничных, он еще раз, но уже жестами показал, что именно им нужно делать, и отправился в ресторан получить удовольствие от общения с огромным стейком из зебры и бутылочкой красного южно-африканского вина со странными немецким названием – «Недебург».

Часть 2

Допрос продолжался уже второй час, следователь был раздражен. Все происходило как-то неправильно. Этот русский не признавал показаний свидетелей, обыск ничего не дал; его помощник подтвердил, что тот в доме был только пять минут, косвенно, но это опровергало заявление потерпевшего и разрушало картину обвинения. Без улик дело рассыпалось. «Что нести прокурору? – думал следователь, глядя на улицу через решетку. – Упорный какой! Ясно же: он там был, и напал, и избил – все было, но причина? Какая у него была причина? Зачем проникать в дом, забирать документы, ключи от машины, устраивать погром? Какая-то ерунда получается; похоже, что оба, и потерпевший и подследственный, рассказывают мне не все».

– Хорошо, – прервал свои размышления следователь. – Подписывайте протокол внизу каждой страницы, и знаете, мне говорят, что вы по ночам кормите своих сокамерников. Это, конечно, хорошо – у нас таких щедрых задержанных еще не было, но остальные камеры гудят, все рвутся перевестись в вашу. Поэтому я прошу: вы как-то это сворачивайте или делайте не так масштабно, потише, а то узнает начальство тюрьмы – и не будет у вас денег, а режим содержания изменят на более строгий.

– Господин следователь! – решил воспользоваться лирической паузой в допросе Глеб. – Скажите: насколько я понимаю, моему посольству не удастся вытащить меня отсюда, и я до суда должен буду сидеть в камере?

– Да, – оживился следователь. – Слишком серьезная статья. Вас выпусти, и вы сразу покинете страну. Не секрет: границы очень прозрачны, и посольство может помочь вам скрыться – у нас таких случаев много.

– Тогда у меня есть личная просьба. – Глеб протянул следователю клочок бумаги. – Здесь написан телефон и фамилия моего хорошего друга, генерала Нишитымба. Вы позвоните ему и расскажите о моем деле все, что сочтете нужным.

– Нишитымба? – переспросил следователь. – Вы знакомы?.. Мы говорим о командующем танковыми войсками и близком друге нашего президента?..

Было видно, как спина полицейского выпрямлялась, глаза округлялись, лицо становилось серьезным и напуганным, пока он произносил эти слова.

Медленно, с огромным удовольствием, словно причмокивая и даже вытягивая губы вперед, Глеб произнес:

– Да, о нем разговор. Я бы сделал это сам из камеры по телефону, но у меня очень малый запас батареек – боюсь, не успею все объяснить.

– Господин Белов, что же вы раньше не сказали, что лично знаете такого человека?! – затараторил следователь. – Конечно! Вы сейчас идите в камеру, а я с ним созвонюсь и все расскажу! Можете мне доверять и не волноваться.

Следователь даже поддержал Глеба за локоть, пока тот поднимался со стула и, проводя до камеры своего подследственного, непрерывно улыбался. Каждый жест его говорил о неожиданно возникшем большом уважении и почтении; удивительно, но, когда они подошли к двери в камеру, ему удалось открыть и закрыть ее так нежно, что, до этого момента скрипучая, словно старая телега дверь теперь не произвела ни единого звука.

Вернувшись в камеру, Глеб только сейчас по-настоящему понял, как устал. Одежда его уже впитала запахи тюрьмы, волосы стали жирными и неуправляемо торчали, словно рожки у молодого бычка. Желание почистить зубы и принять душ стало сильнее, чем чувство жажды; ногти предательски набрали грязи, голова болела и была словно колокол, отекавшая шея требовала массажа или хотя бы поглаживания.

Продолжая прислушиваться и осматривать себя, Глеб остановил свой взгляд на животики: борьбу за его размеры он вел давно и безуспешно. Неожиданно ему вспомнился рассказ

одного русского генерала времен гражданской войны, который в своих мемуарах написал, что именно плохое питание и тяжелые условия содержания избавили его от лишнего веса и улучшили общее самочувствие, когда он находился в плену у красных.

«Само по себе это неплохо... – Начал поглаживать свой животик Глеб, хотя перспектива сидеть в тюрьме ради того, чтобы избавиться от лишнего веса, абсолютно не прельщала его. – Интересно, а женщины, которые способны на любые подвиги во имя сохранения фигуры, согласились бы посидеть для этого в камере? Нет, лучше с животом на свободе, чем стройным в тюрьме!..» – Мысль вызвала улыбку и, сложив обе руки на животе, Глеб закрыл глаза.

Его разбудил шум, крики и хлопанье каких-то дверей.

Охранник-снабженец подбежал к решетке и, прокричав: «Русский, русский!» – опять скрылся в коридоре.

Глеб приподнялся: ему стало интересно, что именно вызвало такой переполох и беготню в коридоре, и зачем охранник обратился именно к нему.

Взявшись руками за стальные прутья, он попробовал просунуть лицо в квадрат решетки, но в процессе этих сложных экзерсисов чья-то рука вдруг ловко схватила его за нос.

– А-а-а!.. Второй раз попался: один раз – полиции, другой – мне, – отпуская нос, произнес Нишитымба, выныривая из-за угла.

Генерал стоял в тренировочном костюме, коленки на штанах висели, пятна на олимпийке говорили о его пристрастии к жирной пище и использовании спортивной одежды не по назначению. Четверо «головорезов», расположившись вокруг генерала, всем своим видом показывали рвение в охране важного лица; короткие рукава рубашек открывали внушительного размера бицепсы, черная форма и автоматы делали эти фигуры окончательно устрашающими. Лица охранников были суровы и неподвижны, словно застывшие изваяния демонов войны.

– Михалыч, – перешел Нишитымба на хороший русский язык, – ты в Намибии и, как я вижу, в хорошей компании! – Он окинул веселым взглядом всех находящихся в камере. – Это что, твое новое увлечение или упражнения по формированию духа? Нет-нет, сейчас угадаю: ты наконец-то решил выучить африкаанс, а твои учителя живут в этом симпатичном доме! – Смеясь над собственными остротами, генерал прошел внутрь камеры.

Демонстративно потянув воздух ноздрями и соорудив гримасу, Нишитымба зажал двумя пальцами нос и, придав своему голосу французское произношение, продолжил иронично игровую форму общения.

– И запах от тебя идет просто волшебный! Может, посодействуешь, сможешь приобрести парфюм, которым ты пользуешься? Наверное, покупаешь его в Дубай... Говорят, там большой выбор, так в следующий раз, когда полетишь, захвати и для меня пару флакончиков.

Глеб обнял этого улыбчивого кругленького человека и ощутил, как теплое расслабляющее чувство спасения стало растекаться по телу предательски сентиментальными нотками. Он почувствовал: сейчас происходят события, которые в дальнейшем его сделают сильным и значимым, позволят ему красиво и уверенно рассказывать об этом приключении и, несмотря на приближающийся возраст он, оставаясь по сути своей мальчишкой, уже представлял лица жены и детей, полные восторгов и уважения к его тюремным подвигам.

– Ишь, медведь какой... Отпусти, – произнес Нишитымба, немного отстранившись от Глеба, – задавишь ведь... Вижу, ты еще больше стал с последней нашей встречи: щечки, подбородочки, животик – не солдатскую жизнь ведешь, эх, не солдатскую.

Глеб только собрался произнести несколько слов приветствия и благодарности, как генерал продолжил:

– Давай отсюда убираться, пока эти ошалевшие полицейские не начали звонить своим начальникам. Я написал им расписку и забираю тебя под свою личную ответственность; запомни – с этого момента ты мой пленник и должен слушаться моих указаний. Поэтому говорю тебе: руки в ноги и бегом отсюда на выход, бегом!

Они шли по коридорам и двери перед ними открывались, как по команде; стоящие вдоль стен полицейские старались не смотреть им в глаза, никто ничего не спрашивал и не говорил – такое рабское подчинение власти вызывало уважение и придавало уверенности.

Выйдя на улицу, Глеб остановился. Воздух был волшебный: легкий и нежный. Хотелось дышать и наслаждаться. По улице ходили люди, проезжали мимо автомобили, где-то играла музыка, листья на пальмах отражали солнце: город жил своей обычной жизнью.

– Правильно, что тебя посадили. Жалко, ненадолго, – выговаривал ворчливым тоном генерал. – Хотя жизнь ценить начнешь, думать лучше будешь, а глядишь, и с автоматом по Африке перестанешь, как мальчишка, бегать... Вон, виски уже седыми стали! Запрыгивай в машину и поехали, жена стол накрыла. Водки нет, извини, но виски, твой любимый односолодовый зеленый «фигишь» с оленем, налью.

Глеб сел в машину; он помнил, что Нишитымба относился к особенной категории людей, живущих эмоциями правды, и ему придется сейчас рассказать многое: ложь генерал чувствовал нутром – она разрубала его доверие. Но за правду, за друга он готов был отдать не только последнее, но даже и то, чем не владел.

Нишитымба заговорил первый:

– Я вижу, Михалыч, как тебе досталось... Знаю, что я спасаю твою задницу, и знаю, что ты мне очень благодарен, поэтому давай без сантиментов и хвalebных слов – весь этот фейерверк моей власти завтра зажмут наши алмазные чиновники, более искушенные и опытные в дворцовых играх, чем я.

Глеб молчал: ему хотелось плакать, как мальчику в пятилетнем возрасте, у которого забрали красную пожарную машину; ему вдруг стало жалко себя, до сжатых кулаков обидно за допущенные ошибки и просчеты. Все было плохо: разговор с женой, потерянные деньги и, наверное, доверие значимого московского лица тоже растаяло в перспективах дальнейшей работы, но больше всего угнетала ошибка, которую он сам, продумывая, казалось бы, каждый шаг, все-таки совершил.

Напряженно думая каждый о своем они, в окружении машин сопровождения, подъехали к дому генерала.

Душ, чистая одежда, привезенная охраной из отеля, вкусный ужин, а главное – частые тосты за любовь и здоровье привели Глеба в состояния нереальности, поэтому тост, посвященный дождям в Африке, окончательно убедил всех – Михалычу пора отдыхать.

Поблагодарив жену генерала за вкусную еду, а Нишитымбу за отличную компанию, он отправился спать.

Глеб лежал в отведенной для него комнате; сознание еще присутствовало, но кроме мыслей ничего не могло двигаться в его уставшем теле. Голова кружилась, казалось, что даже слова были пьяны настолько, что путались и спотыкались.

«Я – молодец! Нишитымба заступился за меня, потому что мы, русские, живем сердцем... Ну, правда, я всем своим друзьям открываю душу, и пусть даже плохие люди этим воспользуются... но хорошие мне обязательно помогут в трудный час!..» – Алкоголь сделал его мысли примитивными и простыми.

Глаза, которые то открывались, то закрывались, никак не могли сосредоточиться на потолке и стенах и, как отражение его состояния, не позволяли удерживать линию рассуждения. Но все-таки проиграв желанию спать, закрылись и наконец-то успокоились в навалившемся сне.

Утро началось с глубокого выдоха алкогольным перегаром и дикой жажды.

Не открывая глаз, Глеб потер лоб ладонью, стараясь собрать этим движением вчерашние мысли; просыпаться ему не хотелось: мягкая кровать и сладость глубокого сна еще держали его сознание в состоянии, похожем на подрагивающий пудинг.

За окном пели птицы, лаяли собаки, шумели люди, в доме происходили какие-то движения. Было очевидно: день начался, и хочешь, не хочешь, а нужно опускать ноги на пол.

Дверь в спальню отворилась без стука, и на пороге появилось еще пьяное лицо генерала; мешковатое тело двигалось несимметрично и мучительно неловко...

– Михалыч, ну, ты как, живой? Лично я... – Генерал скривился. – Всю ночь умирал... Ты, зараза такая, все мне наливал! Тосты говорил красивые – сравнил меня с собой, кабан здоровый!.. Тебе напомнить, сколько ты раз выпил за семью и любовь?! Что тебя вчера понесло сентиментальничать? А потом засуха тебя наша стала волновать... Словом, тебя вчера было не остановить, я закусывать не успевал – и вот результат: до сих пор пьян... Тебе везет, что моя жена тебя любит, а то убила бы: полночи не спала, все тазик мне подвигала и ругала за неумение выпивать!..

Глеб улыбался, его голова тоже немного болела, но самочувствие было отличное, можно даже сказать, бодрое.

Хлопнув в ладоши показательно звонко, Глеб произнес:

– Подъем, мой дженераль! Кофе, виски, потанцуем?!..

Не дожидаясь ответа, он откинул простыни и резко встал на ноги, демонстрируя силу утреннего духа.

– М-м, да ты еще ничего, – промычал генерал, бросив взгляд в известное место. – Мужик хоть куда: утреннюю эрекцию имеешь, словно мальчик! И как это тебе удастся? А врачи говорят: нервные стрессы убивают потенцию... Врут, как обычно! Ты вот: только из тюрьмы, алко-голем до бровей накачался, а вон, огурец какой проглядывает!..

– Да ладно тебе, какая там эрекция?! Не приbedняйся, кому она нужна, – сглаживал Глеб комплимент, скромничая. – В моем случае от меня всегда хотят денег, а не потенции, и поэтому я тут, а не в московском солярии – это первое. Второе: поверь, женщины больше говорят о любви и сексе, а на самом деле они удовольствие получают не от общения с нами, а от похода по магазинам или от положительных результатов в борьбе с морщинами. Ты думаешь, они нуждаются в наших комплиментах? Нет, самой большой наградой для них будет комплимент

от женщины, подруги, которая заметила, как улучшилась ее кожа после ботекса, какого-нибудь лифтинга или массажа с ультрамодными масками...

– Ну, ты злой какой-то с утра, – просипел генерал. – Вчера бисером сыпал, все о жене да о жене, а сегодня все плохие стали! Еще скажи, что тебя не любят, и у тебя нет любовницы.

– Любовница, представь себе, есть, но про любовь все равно ничего не знаю. Раньше знал, а теперь вот потерялся... Давай лучше поговорим о моих шансах на побег или, если серьезно, о том, могу ли я смыться, и что тебе за это будет? – придавая своему голосу игривость, продолжал Глеб.

– Какой побег?! – напряженно произнес генерал. – Лучше подумай, что говорить будешь сегодня на очной ставке... Ты хоть понимаешь, куда ты влез? Мои люди пробили Мэтью... Он мафиозный валет, алмазный продавец, и полиция это знает. За ним стоят люди, которые хотят убрать тебя. Сегодня. Прикормив полицейских чинов, они выдавливают тебя из Намибии.

– Да, это понятно. – Глеб начал делать гимнастику. – Мэтью, эта сука, промокашка, кинул меня! Понимаешь, меня кинул на пятнадцатикратный алмаз серо-голубого цвета – подменил в посылке из Анголы. Я его предупреждал: никакой химии – прибью, а он все равно кинул... Эх, пожалел я его в субботу, а нужно было покалечить заразу! Плакал, пощады просил, а на следующий день полиции сдал... Не понимаю – такой трус, а заяву накатал...

– Так, все, Глеб, не надо, – каждое слово давалось генералу с трудом, – не хочу ничего слышать! Твои дела, – алмазы, фигазы, – сам и рули; я тебя выгашу, но ты должен быстро покинуть страну.

– Хорошо, пусть твои люди отвезут меня завтра в аэропорт, а потом я вернусь и закончу с Мэтью! – Глеб с настроением перешел к комплексу «семизвездный богомол» китайской гимнастики ба-гуа цуань суе.

– Слушай, ты, китайский монах с русскими погонами! Какие разборки с Мэтью?! Завтра свалишь, если сегодня после допроса мне удастся тебя снова забрать! И ты на время должен забыть сюда дорогу: любой нищий на улице тебе перо воткнет, а я не помогу... Понимаешь, о чем тебе говорят?

– Завтра, – выдохнул Глеб в ритме комплекса упражнений. – Не волнуйся, чтобы все улеглось – улечу, но пройдет время, – месяцев три, пять, – я вернусь и верну свое!

– Ну, ты упертый балбес! – Генерал нервничал. – Мэтью – это мафия; отбей ему голову – еще таких десять появится, сколько тебе говорить!..

– Мне нужно вернуть деньги, – твердо произнес Глеб. – Я не выполнил заказ. Вернуться в Москву без алмаза и денег, значит – потерять работу и еще влезть в долги. Да и вообще – тогда всему конец, меня на Кипре мандарины собирать не возьмут!

Нишитымба смотрел, как этот высокий и сильный человек, надувая щеки, выписывает руками круги в воздухе и раздумывал: зачем тот рискует жизнью в его стране и что это за работа для взрослого, опытного человека, связанная с опасностью и проблемами.

В его голове не укладывалось: почему этот большой когда-то в России начальник сейчас промышляет рискованным бизнесом в Африке, и какая нужда заставляет его так далеко уезжать от дома в поисках заработка.

Закончив гимнастику, приняв душ и мило пообщавшись за завтраком с семьей генерала, Глеб в сопровождении двух штатских, которые демонстрировали отличную военную выправку, выехал в тюрьму для утреннего допроса.

Сейчас та же зеленая комната выглядела лучше: то ли больше солнца проникло внутрь, то ли осторожное лицо следователя с пугливыми глазами было уже знакомо, а может даже и чувство уверенности, проснувшееся вместе с ним сегодня утром, придали Глебу ту самую, столь желанную им в первые дни ареста, собранность и взвешенность.

– Сэр, – обратился к нему следователь. – Мне поручено сообщить вам следующее: следствие считает возможным, учитывая уже имеющиеся материалы дела, до суда не содержать

вас под стражей. Более того, следствие не будет препятствовать вам покинуть страну... Если, конечно, у вас есть такое желание. Мы проинформируем консула Российского посольства о дате проведения заседания суда по вашему делу. Напоминаю: неявка будет расценена как признание вины. Если вас все устраивает, и нет вопросов, на выходе из здания, в канцелярии, вы должны будете подписать бумаги, содержание которых я вам только что разъяснил.

– Ну, вот, – расстроился Глеб, – только собрался повоевать с вами, поспорить... Но я рад, что инцидент заканчивается в полном понимании происходящего и у сторон нет вопросов.

Пожелав и далее оставаться в этом чудном заведении и приятно провести время Глеб, шагая по коридорам в сторону канцелярии, наконец-то понял, что именно смущало его в одежде следователя – черный цвет его кожи и красная рубашка ассоциировались с традиционно похоронными цветами красных гробов и черных ленточек. Улыбка скользнула по лицу Глеба. Он снова был собран, рассудителен и доволен собой.

Часть 3

Алексей стоял у главного входа в тюрьму уже двадцать минут. Ему позвонили из посольства и сообщили радостную новость: Глеба выпускают. Все утро он носился по номеру, постоянно что-то забывая; уходя и возвращаясь, заглядывал в зеркало, плевал через плечо и ругал свою дырявую голову за бесконечную беготню. Гордость за шефа переполняла его: выкрутиться из такого положения казалось невозможным.

Да, он рассказывал ему о намибийском генерале, но представить, что этот танкист бросится бороться за Глеба, а главное – так быстро все решит, не мог.

– Вот чему надо поучиться у Михалыча, – перешел к рассуждению вслух Алексей, – умению заводить друзей, поддерживать с ними отношения, выпивать, когда нужно, пусть даже и во вред здоровью... Зато какие это открывает двери и как легко приводит к настоящим товарищеским отношениям. Как это он всегда говорит: «Отдать – не значит потерять, любить – не значит проиграть...» И что-то там еще... Ай, ерунда, конечно, но результат-то на лицо – со всей этой философией и лирикой он опять на свободе!

И, словно по команде сверху или указке провидения, на слове «свобода» в дверях тюрьмы появился Глеб.

Он шел медленно, покачивая плечами и ставя ноги так, будто вместо ботинок у него были одеты ласты. Такая вывернутость стопы всегда отличала его походку. В юности одноклассники принимали ее за копирование шпаны, потом многие относили это к показной самоуверенности. Впоследствии годы службы на Крайнем Севере, когда нужно было, шагая по тундре, прыгать с кочки на кочку, только добавили шагу расхлябанности.

– Шеф, – выходя из машины навстречу Глебу, подчеркнуто уважительно произнес Алексей. – Карета подана, что изволите приказать?.. Может, поедem в «Джой» по случаю освобождения и проглотим парочку стейков с кровью из спринбоков? И еще мне там нравится нога страуса с квашеной капустой: ешь, а жир по пальчикам течет, а ты их облизываешь, облизываешь... А какое там хорошее пиво с пеночкой, холодное – прехолодное!..

– Ха-ха-ха, – рассмеялся Глеб. – Ты в своем репертуаре: опять голодный и опять мясо. Нет, друг мой, мне сегодня невыносимо хочется устриц, хочется ударить роскошью блюд по тюремному меню, шаркнуть по душе звоном бокалов, и главное – побыстрее забыть все это к чертовой матери..! – добавив еще несколько известных миру ругательств, Глеб сел в машину и, не дожидаясь просьбы телохранителя, повел рассказ о тяжелых мучениях, выпавших на его долю за «долгие» часы заключения.

Рассказывать он умел, наверное, потому, что много знал и много повидал, летая по миру, но все-таки самым главным была его любовь к процессу, к желанию держать слушателей в напряжении, вызывать удивление на лицах, давать людям то, чего у них никогда не будет – ощущения причастности к рассказываемым событиям.

Вот и сейчас, попав на уже изученную и благоприятную почву, наблюдая открытый рот и горящие глаза Алексея, Глеб неторопливо и уверенно вел его по полю своей истории.

В ресторане, когда ему приходилось останавливаться, чтобы полить устрицу лимоном и насладиться красотой блюда, увлеченный рассказом Алексей периодически нетерпеливо ронял:

– Ну, а дальше-то что?

И, словно не замечая нетерпения слушателя Глеб, – видимо из уважения к моменту поедания устриц даже после их проглатывания, – делал паузу удовольствия и блаженства, набираясь новых воспоминаний и красок для продолжения повествования.

Когда ужин подходил к концу, и было разлито содержимое последней бутылки, Глеб поднял бокал, сделал паузу, похожую на размышление о забытых подробностях его истории, и тем же ровным, спокойным голосом произнес:

– Завтра мы улетаем, как и планировали раньше. Ты рано утром поедешь в магазин на летном поле, где стоят частные самолеты, за наличные деньги купишь там ракетницу и два патрона к ней – уж очень мне хочется перед отъездом сжечь автомобиль Мэтью.

– Что?!.. – растерянно произнес Алексей; он, расслабленный вином и веселым тоном рассказа, теперь не мог поверить своим ушам. – Что купить?.. Ракетницу?!

– ...И пластиковую пятилитровую канистру бензина, – продолжил Глеб, не обращая внимания на растерянность телохранителя.

– Все оставишь в машине, а сам на такси поедешь в аэропорт, пройдешь контроль и будешь ждать меня в зоне вылета.

– Михалыч, да ты что, с ума сошел?!.. Тебя только из тюрьмы выпустили, а ты снова на него напасть хочешь?! – сбивчиво затараторил Алексей. – Подумают же только на тебя! Машина – это улика, и тебе уже будет не отвертеться.

– А ты что предлагаешь?! Уехать вот так, с побитым лицом?! Эти черти будут думать, что им все можно! Русских прижали! Нет, друг мой, я так не могу!! Пока ответку не передам, спать даже не смогу! И не уговаривай: битым не уеду... – Поднимаясь из-за стола, Глеб случайно потянул за собой скатерть. Пустые бокалы качнулись и один из них, падая, звонко разбился о тарелку.

– Вот, видишь. – Показал пальцем Глеб на расколотый фужер.

– Посуда бьется к счастью. Это – хороший знак. А сейчас поехали в номер: нужно собрать чемоданы и выспаться. Завтра тоже долгий день, и мне потребуется свежая голова и удача.

Дорога до отеля заняла несколько минут; дружно взявшись за сборы личных вещей, они уже через полчаса, выключая свет и поудобней устраиваясь в кроватях, погружались каждый в свои мысли и тревоги.

...Яркое солнце проникло в сознание Глеба, едва стоило приоткрыть глаза. Комната номера уже была наполнена светом; старомодный графин, поймав солнечный луч, отбрасывал на потолок яркие и живые блики.

Прищуривая по очереди глаза, Глеб начал развлекаться с перемещающимися на противоположной стене солнечными зайчиками. Затем, практически полностью прикрыв веки, через щелочки увидел, как круглые точки хаотически двигаются в маленькой полоске света, словно живые клетки, рассматриваемые под микроскопом.

Нужно было подниматься; волнения за предстоящие события тоже проснулись и принялись изнутри подталкивать Глеба – они сидели где-то в голове и сверлили сознание тревогой и легким страхом.

Какой-то голос даже не говорил... нет, передавал по нервам одно и то же сообщение: «А может, не надо?.. А может не надо?.. Не делай зла, не обижай людей!.. Ты же добрый, так зачем воевать?! Все можно решить по-хорошему... Ну, а если не получается – прости их зло, и тебе будет легко и хорошо».

Но эта тревога и голос были такими тихими и слабыми, что Глеб первым же решительным: «Все, встаю!» загнал эти ощущения в глубины сознания, резко поднялся и начал одеваться. Кровать Алексея была заправлена, чемоданов у дверей больше не было – все указывало на то, что намеченный вчера план дня сегодняшнего уже запущен в исполнение, а значит – столкновение неминуемо, и нужно настраиваться на победу.

Глеб посмотрел на часы – можно не торопиться. Пройдя в ванную комнату он, медленно водя щеткой по зубам, словно архитектор принялся выстраивать последовательность своих действий в общей схеме намеченной акции.

...Сейчас он позавтракает, пройдет на ресепшн и рассчитается за номер. Выйдет на улицу, найдет арендованную машину (она должна будет стоять на гостевой парковке отеля), откроет багажник, проверит наличие ракетницы и канистры, закрепит их, чтобы в дальнейшем они не болтались на поворотах и при ускорениях. Сядет в машину, проверит паспорт, деньги, посидит перед дорогой, подумает о чем-то легком и веселом и не спеша поедет к дому Мэтью.

Сначала он проедет мимо его дома, чтобы убедиться, что «Х5» на месте, потом, заехав за угол соседнего строения, поставит машину по ходу отступления и не станет выключать двигатель.

Потом, все так же сидя в машине, будет ждать и точно рассчитает время атаки на автомобиль, дорогу в аэропорт, прохождение регистрации и вылет. И в назначенное время, не привлекая внимания проезжающих машин, подойдет к джипу, спокойно выльет на капот и вентиляционные щели бензин и сразу, не оглядываясь, пойдет обратно.

Пройдя пятнадцать-двадцать метров, развернется, достанет ракетницу, вставит патрон и выстрелит под автомобиль; увидев огонь, побежит к своему автомобилю, сядет и, не превышая скоростного режима и не нарушая правил, доедет до аэропорта.

– По-моему, неплохо, – похвалил сам себя Глеб, разглядывая свои начищенные белые зубы в зеркале туалетной комнаты. – Неплохо блещут, нужно будет и в следующий раз купить такую же зубную пасту.

Теперь каждая секунда была подчинена намеченным действиям. Он не спеша оделся, не приседая на дорожку и, не оглядываясь, вышел из номера, позавтракал блинчиками с клубничным джемом, расплатился за отель и пошел искать машину.

Алексей оказался на высоте: все подготовил как нужно, и даже без напоминания закрепил канистру с бензином в багажнике и аккуратно завернул в тряпку ракетницу и патроны.

Глеб сел в машину. Огромные деревья на площади перед отелем всегда нравились ему. И сейчас, проходя мимо, он снова услышал, как нежно шуршит листва; большие вяжущиеся стручки, похожие на увеличенную фасоль, раскачиваясь, пугали мелких птиц. Все было как обычно, только напряжение и неприятный холод появились в его внутреннем ощущении, казалось: слабая зубная боль тянет нерв и не хочет отпустить.

План работал идеально: «БМВ Х5» стояла у входа в дом Мэтью, прохожих, – вероятных свидетелей, не было совсем. Глеб сделал дважды обошел дом – все было хорошо, его опытный глаз не заметил никаких отклонений от плана.

Припарковав машину за углом соседнего строения, он стал ждать, не отрывая взгляда от своих наручных часов; секундная стрелка шведского хронометра «Тиссо» плыла круг за кругом, приближаясь к началу «времени Ч».

Глеб на минуту закрыл глаза; теперь нужно было отбросить всю неуверенность, страхи и забыть сомнения: задача поставлена – нужно выполнять.

Он несколько раз глубоко вздохнул и резко выдохнул, словно выбросил из себя лишнее; сердце стучало чуть быстрее обычного.

– Ну, пора. Всех к черту! – громко скомандовал себе Глеб.

Выйдя из машины, он открыл крышку багажника, достал канистру, ракетницу, два патрона разместил в карманах своего удобного костюма и, развернувшись, быстро прошагал пространство до угла строения, закрывающего его от дома Мэтью.

Остановившись на пару секунд, он прислонился спиной к стене и сделал глубокий вдох. Чуть-чуть быстрее побежало сердце – нервы напряжением потянули на себя адреналин. Сколько раз, оказываясь в подобных ситуациях, он ловил себя на мысли, что самым трудным во всех единоборствах является укрощение собственного страха.

«Ну, ничего! Несколько дыхательных упражнений, пока буду идти до машины, меня успокоят», – рассуждал он, уже, было, поворачивая за угол.

– Е-е-е... – все, что успел произнести Глеб, волчком возвращаясь на прежнее место.

Реакция никогда еще не подводила его, вот и сейчас скорее инстинкт, нежели команда сознания откинул его назад.

Увиденное не укладывалось в его планы.... Сейчас там, у дома Мэтью, стояли уже две машины: джип «БМВ» и новенький белый «Мерседес» С-класса.

Медленно выглянув из-за угла, Глеб сразу узнал облокотившихся на свои автомобили Мэтью и его подружку. Их спокойный тон разговора и веселое выражение на лицах выдавали неторопливость и возможную продолжительность беседы.

– Жалко впустую уезжать!!! Ой, как жалко-то!!! – шептал он себе под нос, поглядывая на весело беседующую парочку из-за угла. – Ну, давай, провидение, подключайся! Теперь как ты там наверху крутанешь, так и будет! Только прошу, поторопись: время мое тает; дай мне возможность поквитаться за мои промахи! Пожалуйста, дерни их ниточки в какую-нибудь сторону! Сделай так, чтобы они сейчас оба ушли в дом, и две машины будут для меня подарком небес и твоим знаком расположения ко мне.

Прислонившись к стене, он ждал. Людей на улице не было, редкие машины быстро проезжали, не обращая на него никакого внимания, однако время неумолимо толкало его к самолету.

– Ладно, – сказал себе так, словно команду отдал. – Повезло вам, черти – нужно лететь... Договорим в следующий раз... Эх, ушла удача!!! Невезуха какая-то постоянная!

И вот, когда Глеб уже начал отход, впрочем, еще держа взглядом всю картинку происходящего перед домом, Мэтью выпрямился, открыл дверцу джипа и с показным достоинством опустился на сидение; его девушка, подойдя к крыльцу дома, вяло махнула рукой и скрылась за дверью.

– Вот-вот, – обнадеженно повторил Глеб. – Это другое дело! Все-таки вы там, наверху, меня услышали... отлично!

Машина Мэтью, выполнив разворот, быстро отъезжала от дома и вскоре скрылась за поворотом.

– Ай, молодец какой! «Мерседес» подружке купил! – шептал себе под нос Глеб, начиная настраиваться на атаку машины. – Наверное, дорого заплатил: белый такой! Подружка тебе потом спасибо скажет, и ты разговорчивее будешь! Ну ладно – к черту, вперед!

Быстро подойдя к машине, Глеб открутил крышку канистры и, оглянувшись по сторонам, мигом вылил бензин на капот «Мерседеса». Спокойно положив пустую канистру под переднее колесо, развернулся – улица была пуста по-прежнему. Теперь в его голове был только отсчет шагов; он двигался, практически не дыша, руки нащупали в кармане ракетницу и крепко сжали в кулаках патроны.

– ...Пятнадцать, стоп! – скомандовал сам себе. Пульс, ускорившись, громко застучал где-то в горле, отчетливо забухало сердце, руки, вставляя патрон, немного задрожали, глаза, не увидев свидетелей происходящего, дали голове команду «Можно!»

Развернувшись, он выстрелил сразу. Мощный световой шар, виляя и описав сложную траекторию зигзага, пролетел в пяти сантиметрах от лобового стекла и, умчавшись метров на пятьдесят, заметался, рассыпая по дороге мелкие искры.

– Вот собака, промах! – просипел Глеб. – Спокойно, ошибаться больше нельзя, иначе все провалю.

Выбросив горячую гильзу, Глеб вставил новый патрон и медленно поднял руки, нацеливая ракетницу на пространство под автомобилем. Он понимал: выстрел уже подтолкнул людей к окнам, еще секунда – и из дома Мэтью может появиться его подружка, но это был последний патрон. И сейчас он должен попасть и сжечь автомобиль...

Палец уже начал свое движение, преодолевая тугое сопротивление курка, дыхание стало ровным, он прищурился – мушка ракетницы ровно легла под «Мерседес».

Неожиданно, словно ночью включили яркую лампу, его глаза поймали легкое, еле уловимое движение в окне заднего сидения автомобиля. Не опуская ракетницы, Глеб сначала увидел две розовые ладошки, которые, словно маленькие присоски, приклеились к стеклу, а потом появилась кудрявая головка с удивленными и заспанными глазками-пуговками.

Глеб вдохнул воздух полной грудью, все стало как в замедленной съемке. Решение пришло само. Он едва успел вскинуть руку с ракетницей вверх, как та выстрелила. Развернувшись и уже улавливая звуки открывающихся дверей, Глеб в два счета преодолел расстояние до автомобиля, буквально ворвался на сидение и, нажав на акселератор до упора, резко рванул с места.

– Господи, что это сейчас было? Нет, кто мне может объяснить, что произошло?! – выговаривал себе Глеб, периодически поглядывая в зеркало заднего вида. – Ребенок! Ну, дура!! Оставила спать малыша в машине на улице, а сама ушла в дом... Это же надо быть такой тупой?! Мать называется..! А я-то хорош..! Даже не заглянул внутрь автомобиля! Как зомби: отшагал туда-обратно и давай палить... Но какая рука отвела меня и не дала попасть при первом выстреле?.. Да, веревочки наверху точно кто-то дергает! Ой, как дергает!.. Вот тебе и попросил провидение вмешаться, получил, что называется, поддержку свыше! Господи спаси и сохрани! – закончил он трижды и перекрестился.

Внутри Глеба все чувства раскачались и вступили в противоречие. Он не знал: злиться ему на себя или на подружку Мэтью за ее беспечность, или даже на третью силу – все в его голове путалось и не желало оставаться на своих местах. Но глубоко в сознании уже зарождалась уверенность: кто-то не дал ему сегодня совершить ужасный поступок, смертный грех. Слабые ростки веры в Бога, которые он улавливал и берег, шептали ему обязательно сходить в церковь и помолиться в тишине своему ангелу хранителю, который прикрыл его сегодня своим крылом.

Дорога в аэропорт была пуста, и понемногу Глеб успокаивался. К нему приходило чувство уверенности и приобретенной удачи, даже некое тепло коснулось его души и растеклось по сознанию.

Подъезжая к главному входу в аэропорт он, на всякий случай, пробежал глазами по припаркованным автомобилям – полиции не было.

Оставив ключи в замке зажигания, вышел из машины – кругом все было спокойно и обыденно. Продолжая оглядываться и всматриваться в людей, он быстро прошел регистрацию и вошел в зону беспощинной торговли, где уже целый час, как болтался Алексей.

– Михалыч, етиская ты сила! Как хорошо! Я из-за тебя поседею даже в интимных местах! – идя навстречу Глебу и вытянув обе руки вперед для рукопожатия, иронично произнес охранник. – Ну, раз ты тут и за тобой никто не гонится, то что – все сложилось, как планировали?! Понимаю, подробности потом, в самолете... ты просто коротко скажи – «Да»? А то сгораю от любопытства и нетерпения.

Улыбаясь такому напору и живому участию Глеб, полон таинственности, молча кивнул. Потом, оглядевшись по сторонам и придав игривое выражение лицу, оттопырил большой палец кулака на правой руке в символическом жесте «Супер!»

– Отлично! – Продолжал сиять Алексей. – Да я ничего другого и не ожидал. Горит, небось, всю сейчас... Хотя, нет. Наверное, уже сгорело. Жаль, нельзя увидеть лица Мэтью, вот он теперь напуган, да?

– Тихо-тихо... – Глеб легко постучал ладонью по плечу охранника. – Ты чего расшумелся-то? Мало ли кто нас может услышать и понять. В самолете поликуем, а сейчас пойдем, погуляем по Дьюти Фри.

Купив в сувенирном магазине вытянутые фигурки масаев и расписные страусиные яйца, они пешком прямо по летному полю пошли к небольшому самолету, стоящему в двадцати метрах от здания вокзала. Старый негр в замызганном и мятом комбинезоне с трудом толкал трап к самолету, маленькие колесики которого, вращаясь, устало скрипели.

Люди столпились у самолета в ожидании установки трапа. Кто-то курил, кто-то говорил по телефону. Глеб разглядывал окрестности аэропорта.

Он улетал из Намибии уже в двадцать четвертый раз, все было ему тут знакомо: запах, горы вокруг аэропорта, кустарник в саванне, но именно сейчас он покидал эти места с вдруг появившимся ощущением расставания, какой-то утраты и даже легкого сожаления.

Он любил эту страну за ее необычные природные сочетания, климат и сохранившиеся, – не без помощи проживающих тут немцев, порядок и чистоту. В памяти всплыли гонки на мотоциклах по пустыне Намиб, посещение сафари в Оморуро и Окопуке, кормление гепардов и бегство от носорогов, прекрасные стейки из антилоп в остром соусе, рыбалка на Атлантике и игры морских котиков на берегу океана. Все его лучшие африканские впечатления были связаны с этой страной; четыре года назад зная, что тут спокойно и безопасно, он прилетал сюда отдыхать с женой. Взяв напрокат автомобиль с водителем, они две недели катались по дорогам Намибии, жили в хороших отелях, устраивали романтические ужины в частных парках под звуки ночной жизни саванны. Он вспомнил, как светились счастьем ее глаза, и как она была благодарна ему за красиво проведенный отпуск.

Глеб раскисал... Воспоминания стали выдавливать из него силу и загонять его настроение во внутренний конфликт чувств и эмоций. Он видел, как пассажиры потянулись по трапу в салон самолета. Он шел последним, медленно, словно цепляясь за призрачную возможность еще раз ощутить в себе Намибию.

Пройдя в салон, они с Алексеем расположились в узких креслах, пристегнули ремни и стали наблюдать, как улыбчивая стюардесса в шарфике британской авиакомпании изящно демонстрирует, где и как нужно покидать самолет в экстренных случаях.

Двери закрылись, самолет вырулил на взлетную полосу, затаился, словно перед прыжком и, взревев, стремительно пошел вперед, набирая скорость, унося их в другую жизнь и к новым событиям.

Глеб закрыл глаза. Настроение, которое наполнило его воспоминаниями на взлетном поле, все еще владело им.

«Почему так бывает? – спрашивал он сам себя. – Вроде, вспоминается хорошее, а состояние какое-то плаксивое. Нету, никого рядом нету... Наверное, я старею... Очень хочется быть с кем-то сентиментальным и слабым, чтобы потом быть сильным и уверенным... Что вот сегодня произошло? Наверное, это знак мне! Попади я первым выстрелом в машину – сгорел бы ребенок, а я мог этого даже не узнать, уехал бы и все. А сколько такого было в моей жизни!.. Ночная перестрелка в Луанде, когда я поливал в темноту свинцом из израильского автомата по преследующему меня джипу до тех пор, пока ствол не перегрелся... Хорошо, удалось уйти от погони, а кому от меня тогда досталось – кто знает?!..» А в Свакопмунде с немцами как обошелся, – Глеб невольно хмыкнул. – Нет, ну это совсем другой случай, этот безобидный! Ну, подумаешь, подрались немного, напомнили немцам Сталинград... – Он снова улыбнулся: воспоминания о том инциденте всегда веселили его. Хотя со стороны, наверное, это выглядело ужасно плохо...

Они были тогда вместе с Алексеем. Зашли в расположенный на берегу океана ресторан, стилизованно отделанный под старую баржу – попить вина и съесть лобстеров, которые в это время сами выбрасывались на берег и стоили всего ничего – десять баксов за пару. Отяжелив свое сознание шестью бутылками вина, и накидав две тарелки панцирей от лобстеров, они начали демонстрировать друг другу разные возможности выпивания: с локтей, с колен и поднимать фуэжеры зубами без помощи рук.

И вот, в самый разгар веселья и после восьмой бутылки, в ресторан шумно зашла группа немцев, что-то оживленно обсуждая между собой. Они сдвинули столы и сели напротив гуляющих друзей.

Глеб помнил, как он сам предложил Алексею пересесть на веранду подальше от этой компании, объясняя это тем, что не любит немецкую речь: в памяти сидели рассказы о голодном детстве отца, фильмы про войну и погибшие, еще в сорок первом, оба деда.

Однако перемещение не помогло; настроение стало пропадать, веселье сменили играющие на тяжелеющем лице желваки и он, прихватив стул, неожиданно пошел в атаку на немецкие ряды.

Утром, когда Глеб проснулся, Алексей рассказал ему, как он с криками «Я вам второй Сталинград покажу!» разогнал всю компанию. А те, кто убежал от него и прятался в машинах, в конце концов получили помятые крылья и капоты.

«Да-а, – мысленно протянул Глеб, словно подытоживая свои воспоминания, – что со мной происходит?.. Что творю?.. Жизнями людей уже по своему усмотрению распоряжаюсь! Все это глупо и жестоко... Это, наверное, во мне зло поселилось, это меня спасти нужно, от себя самого. А с памятью что творится, когда выпью? Ничего не помню, ну вообще ничего... Словно слушаю рассказ про другого человека. Бедные немцы... и что я тогда на них взелся?! Все, все... Пусть уже в сотый раз говорю себе это, но нужно начать жить по-другому, конкретно по-другому нужно жить! Совсем пить перестать я не могу, но контролировать дозу алкоголя у меня должно получиться – это ж не трудно... Телом своим заняться, живот хотя бы уменьшить, в личной жизни тоже нужно навести какой-то порядок...» – на этой фразе размышления Глеб остановились. Он уже давно понимал, что его отношения с женой и есть самая главная проблема, и что все остальное – это следствие. И – что можно поменять все, но как вернуть себе желание жить вместе с ней?!

Еще пять лет назад, когда он, вернувшись из Намибии, открыл входную дверь своего дома и увидел пустые шкафы, валяющиеся вешалки и катающийся от ветра большой пыльный шарик – еще тогда, присев на разобранную кровать, он впервые ощутил пустоту и свою собственную ненужность.

Его оставили, причин не называли, скандалов не устраивали, а просто вычеркнули из списка в телефонной книге.

Потом он долго бегал за ней, упрашивал вернуться, дарил подарки, просил одуматься, не разрушать семью... И через месяц она сжалилась и так же молча внесла свои чемоданы в дом. Но, добившись своего, Глеб впервые ощутил: жена его не любит, не принимает таким, какой есть, не прощает ошибок, а главное – живет для себя. Может, именно в тот период, – сейчас он не мог точно вспомнить, – и начались те сложные пьянки, заканчивающиеся его полной невменяемостью и потерей памяти?..

Продолжая жить вместе с женой, он уже не видел и в ее глазах того света, который когда-то не давал ему покоя; все чаще возникали эпизоды, подчеркивающие их расхождение; молчанки и обиды стали нормой существования. Пустота, поселившаяся у него в сердце, стала стирать даже ранее незыблемые принципы верности в семейных отношениях. Нет, он не бросился в загулы и поиски женщин, не стал провожать взглядами короткие юбки и глубокие декольте, нет, он просто разрешил себе быть свободным, и обязанности мужа ушли на задний план совести... Сейчас, сидя в самолете и анализируя свои отношения с женой, он ощущал всю глупость и нелепость поступков, совершенных им в последние годы; рваный бег отношений измотал их чувства и стер из памяти счастливые эпизоды прошлой жизни.

Глеб, не открывая глаз, восстановил двумя зевками давление в ушах, слегка повернулся набок, всем своим видом показывая Алексею, что спит. Теперь ему нужно было переключиться, перестать бесполезно ковырять прошлое и подумать о том, что он будет говорить в Москве. Вспомнить свои ходы и ошибки, а главное – найти объяснение своему провалу. И начался новый виток воспоминаний...

...Это произошло два месяца назад. Его друзья привели Глеба к одному известному нефтяному олигарху, у которого появилась красивая идея подарить своей девушке голубой брил-

лиант. Помощники, обзвонив алмазные биржи и уточнив цену на такой камень, предложили боссу абсолютно русский, экономный подход в бизнесе, а именно: найти авантюриста, который сможет поехать в Африку и купить алмаз, потом огранить его и привезти в Москву. А так как за Глеба ручались, и внешний вид его вызывал доверие, то ему и были переданы наличные деньги и инструкции для выполнения заказа.

Вылетев в Анголу, – а именно там он рассчитывал найти этот редкий камень, Глеб целый месяц безрезультатно мотался по жутким провинциям, спал в дешевых отелях, каждую ночь мастерил себе марлевый полог, защищаясь от маленьких малярийных комаров, ел дурацкую пересоленную рыбу и искал, упорно искал алмаз...

И вот, в начале пятой недели поисков, ему все-таки улыбнулась удача: в Лубанге какой-то богатый перекупщик, в свое время меняющий продовольствие для унитовских солдат на алмазы, в полуразвалившемся доме, охраняемом странными подростками в вязаных шапочках и с автоматами, показал «его» Глебу. Он и сейчас помнил свое состояние трепета и поклонения природе, разглядывая в лупу алмаз: внутренний мир того был словно рисунок пальца – единственный и неповторимый.

Взяв листочек бумаги, он нарисовал для себя схему расположения еле заметных пике и маленьких воздушных пузырьков в верхней части кристалла. Тут же рядом он, как разметчик, схематично определил, как его лучше разрезать, чтобы убрать включения и сохранить для огранки массу кристалла.

«Если, – рассуждал Глеб, – кристалл не лопнет при распилке, не поменяет свой изумительный фантазийный цвет при огранке и на выходе составит более четырех карат – это будет фурор, победа, лотерея! Словом, огромная удача».

Он планировал привезти кристалл в Бейрут, где уже много лет, найдя понимание и друзей, спокойно, без всяких пошлин и проблем гранил алмазы в частной компании одного старого араба.

Потом с этим произведением природы и человеческого искусства он должен был выехать в Антверпен, где в гомологической лаборатории при алмазной бирже бриллианту придавалась легальность и точно, в сертификате, прописывался его фантазийный цвет. Сладкий вкус этого бриллианта зависел от двух букв «КФ» – коэффициента, умножающего цену в разы. И в данном случае Глебу мечталось о серовато-голубом цвете и коэффициенте 3.85.

Эти воспоминания даже сейчас рождали в глубинах его сознания приятный шепот денег и радость от выпавшего случая. Его план был отработан годами труда, личных контактов и в его собственном сознании выглядел очень убедительно и надежно.

Разговаривая с продавцом алмаза о возможности покупки этого камня, он узнал, что продается целый лот, собранный из нескольких камней. Разглядывая в лупу остальные алмазы этого лота, Глеб сразу пришел к заключению, что они являлись довесками к этому единственному и уникальному камню. Тратить деньги на покупку всего лота было неправильно и с финансовой точки зрения неперспективно, но, вспоминая это сейчас, он понимал, что именно тот первый шаг и был его главной ошибкой, отклонением от прямой линии.

Почему он вбил тогда себе в голову, что ему нужно найти партнеров на участие в покупке лота? Решил сэкономить? Побольше заработать? А подумать забыл – схватился за первую мысль и давай ее раскручивать...

Зачем-то полетел в Намибию и, в поисках кооперации денег для приобретения лота он, обходя известных ему алмазных теневиков, дошел до Мэтью.

Этого хлыстоватого, понтующегося негра он знал давно: несколько раз они пересекались в интересах бизнеса, и однажды Глеб даже покупал у него алмазы небольших размеров для своих ливанских друзей.

Мэтью согласился быстро, тут же после разговора набрал номер продавца и стал обсуждать условие обмена товара на деньги.

И если бы Глеб сейчас, сидя в самолете, начал загибать пальцы своих ошибок, то вспоминая следующий эпизод, ему пришлось бы прижать и второй палец.

Он дал Мэтью координаты ангольского продавца и предоставил им возможность поговорить между собой, отдав инициативу в сделке в руки, мягко говоря, сомнительных людей. Дальше было еще хуже: лес ошибок становился гуще и темнее. Алмаз стоял у него перед глазами, и казалось – был так близок, что сам падал в руки. Видимо, поэтому его следующий необдуманный шаг смело претендовал на загибание сразу всех остальных трех пальцев этой руки.

Лететь в Анголу вместе с Мэтью Глеб не мог: его виза была погашена предыдущей поездкой. И он, грозно погрозив пальчиком на случай фокусов с деньгами и указав Мэтью, в какой канаве его голова будет досматривать жизнь, отдал ему пять новых, хрустящих пачек столларового достоинства и поехал в отель дожидаться встречи с алмазом.

«Да, вот это была беспечность! – пролетела в памяти фраза о бриллиантовом тумане Кисы Воробьянинова. – Кто в этот момент лишил меня ума, почему я решил, что меня кто-то боится? Гордыня заела! Точно надо в церковь идти и просить Господа вложить в мою пустую голову хоть немного сознания и рассудительности. Главное, хорошо помню: я был совершенно спокоен, даже мыслей не было, что меня может кинуть этот черный прохиндей! – Начал злиться сам на себя Глеб. – По ресторанам ходил, винцо попивал, идиот! Нужно было хотя бы Алексея поставить за домом проследить, перемещения подсмотреть... Да нет, не дал Бог ума, одними пороками наградил, это точно!»

Когда раздался звонок, Глеб не поехал, нет – он просто «полетел» к дому Мэтью, где, взяв лупу, приготовился снова посмотреть на своего красавца. Ему бы заметить большое количество друзей, праздно болтающихся по дому, ему бы увидеть легкий испуг на лице его «бизнес»-партнера – но нет, внутри него все горело и трепетало! Да-да, это пошел загибаться палец на следующей руке...

Приняв алмаз из рук Мэтью, он похолодел: лупа была не нужна, даже беглого взгляда было достаточно – это не тот камень. По виду он был очень похож, но гладкие грани и отсутствие бороздок сразу смутили Глеба.

Зажав алмаз в кулаке, он стал прислушиваться к его температуре. Камень нагревался... Сомнений не оставалось – это подделка.

Мэтью нервничал: по лицу Глеба он сразу догадался, что его подмену раскрыли и, видимо дав своим друзьям условленный заранее сигнал, он подтянул присутствующих в доме поближе к себе.

Потом последовали события, при которых один зажатый ранее палец, как символ поражения, можно было бы разогнуть обратно. Поднявшись со стула, Глеб одновременно протянул правую руку для рукопожатия, а левой, опуская подделку в нагрудный карман, нащупал иглу дикобраза. Сжав ладонь Мэтью в приветствии он, потянув того на себя, тут же оказался у негра за спиной. Обхватив шею противника левой рукой, Глеб дозировано, но весьма болезненно воткнул иглу в гортань алмазного шутника.

И сейчас он видел их напуганные лица. Было понятно: опыта конфликтов у них еще не было. Словно выполняя команду «Замри!» они не шевелились и только молча наблюдали, как Глеб пятится к выходу из дома, удерживая свой боевой трофей. Подойдя к двери, он шепнул на ухо Мэтью, что у него есть три дня, чтобы тот вернул деньги, напомнил, что шутить с русскими нельзя и поспешно выбежал на улицу.

Но совсем уходить не стал: жизнь научила его не терять контроль над ситуацией и, найдя укромное место метрах в семидесяти от дома, Глеб стал наблюдать за происходящим.

Как он и предположил, толпа друзей Мэтью, выбежав наружу и оглядевшись по сторонам, бросилась заводить свои автомобили и, резко сорвавшись с места, куда-то укатила.

Теперь он стоял и чего-то ждал... Может, придет полиция, может, вернутся друзья, а может, из дома выйдет и сам Мэтью. Ему нужен был шанс, так как идея снова проникнуть в дом и поискать алмаз уже плотно сидела в его голове. Человеку часто что-то дается свыше – нужно только это увидеть и наклониться, чтобы взять. В его случае наклоняться не пришлось – нужно было выйти из укрытия и спокойно, не пугая девушку, которая подъехала к дому Мэтью на «БМВ Х5», идти по улице, словно праздный прохожий.

Он видел, как она не спеша вышла из машины, закрыла ее, оглянулась, – видимо, чтобы еще раз полюбоваться автомобилем, бросила безразличный взгляд на приближающегося Глеба и, поднявшись на крыльцо, нажала на звонок. Теперь он пошел быстрее; девушка стояла к нему спиной, дверь не открывалась замечательно долго.

Женщины, девушки в его работе всегда оставляли осадок сожаления и даже извинения за временные неудобства, которые они испытывали, попадаясь на его пути. Всегда помня это он, поднявшись на крыльцо, просто посмотрел ей в глаза и, подняв указательный палец к губам, вежливо попросил не шуметь.

С той стороны замок, поддаваясь чьим-то неумелым рукам, начал издавать звуки вращения. Глеб приготовился и, в момент появления маленькой щелки, нанес удар ногой в дверь, вкладывая в него все свои сто десять килограммов.

Уже на волне удара он втянул девушку внутрь дома, закрыл дверь и, наклонившись над сбитым с ног дружкой Мэтью, стал всматриваться в гримасы и хаотичные движения тела на полу. Тогда он даже немного заволновался: не зашиб ли парня дверью. Но все благополучно обошлось: звездочки в его глазах, видимо, стали проходить, и во взгляде начало появляться понимание.

Потом они, как две белых мышки перед удавом, сами протянули руки для пластиковых наручников и, пока Глеб надевал их, третья белая «мышка» – Мэтью, услышав шум в прихожей, словно корабль, заходящий в гавань, сам приплыл в его руки.

Разместив друзей поудобнее в просторном холле дома, где очень красиво, дополняя интерьер, стояло чучело той самой, пресловутой львицы, Глеб попросил их больше не шуметь и не шалить, предварительно вырвав телефонный провод и забрав мобильные телефоны.

Видимо, убедившись в серьезность своего положения и испытывая страх от повторного вторжения Глеба, троица сидела на диване, не производя лишних звуков, на лицах читались растерянность и покорность.

Поиски кристалла или денег ничего не давали – в комнатах было пусто и это злило его. Несколько раз он возвращался к Мэтью, задавая один и тот же вопрос про алмаз, но при этом, каждый раз делая тому больно, выдавливал из негра только слезы и сопли. Глядя на трусливое, искаженное страхом лицо воришки, Глеб начинал сомневаться и задумался: может, действительно – это ангольский продавец подменил камень?

Возвращаясь к поискам, он терял терпение и время, внутри него зарождалось чувство опасности – нужно было уходить. Взяв в сумочке девушки ключи и документы на джип, их с Мэтью гражданские паспорта и уже направляясь к выходу, он снова посмотрел на львицу – работа была безукоризненна. Вернувшись, Глеб нашел в столе ручку с бумагой и заставил Мэтью написать расписку на приобретение у того чучела.

Уходя, он срезал с пленников наручники и на прощанье, взяв Мэтью за ухо, ровным голосом сказал, чтобы тот на следующий день привез в отель львицу и деньги, смутно понимая, что камень, видимо, ему больше не светит...

Самолет летел ровно и спокойно. Не открывая глаз, Глеб продолжал мучиться одним единственным вопросом: как он мог так недооценить Мэтью и исключить возможность обращения в полицию?

Почему он так уверовал, что напугал его настолько, что тот, находясь в своей собственной стране, откажется от борьбы с ним?

Для него это был еще один урок психологии и жизни. Но все было бы хорошо, если бы не было так плохо: он летит в Москву без чужих денег и обещанного алмаза.

Открыв глаза, Глеб оглянулся на охранника: тот спал в позе уставшего человека – чуть запрокинув голову назад и слегка приоткрыв рот.

Нажав на кнопку «стюардесса», Глеб заказал себе коньку и, удерживая жидкость во рту, приступил к обдурыванию своего положения в Москве.

Москва

Часть 1

Аэропорт Шереметьево как обычно гудел разноликим народом и очередями, отчетливо напоминая проходную завода советского периода.

Глеб и Алексей медленно продвигались к пограничному окошку, впереди стоящие китайцы что-то оживленно обсуждали между собой, толкая полосатые баулы ногами.

– Вот народ! – Алексей, выпавшись в самолете, горел желанием поболтать. – Все на одно лицо, словно клонированные, и опять свои тряпки в Москву тянут; этим товаром уже забиты все рынки, а они все везут и везут. Интересно, – продолжал охранник, – Манечка моя приедет одна или обоих пацанов возьмет? Я уже так соскучился! Они мне даже снились недавно, ярко так снились, красиво... Ну, а тебя кто встречать будет? Как обычно: отец с матерью или Виктория твоя, свет-солнышко, все-таки появится?

Глеб молчал, он всегда ждал чуда или случая: постоянно на выходе пробегая глазами толпу встречающих, надеялся увидеть жену и поймать взгляд, полный радости от долгожданной встречи. Но сейчас он точно знал, что ее не будет...

– Родители, конечно, – уверенно произнес Глеб. – Кто еще может всю жизнь встречать нас, терпеливо дожидаться звонков, бежать помогать нам по первому зову и ничего не требовать взамен?..

– Да, это точно. – Алексей протянул паспорт в долгожданное окошко пограничного контроля и стал рассматривать симпатичную девушку в звании младшего лейтенанта.

Ее серьезное лицо было очень привлекательно, даже показная деловитость не портила прелестей юного возраста. Быстро пробежав глазами фотографию охранника, она шелкнула штампом в его паспорте и, уже перенося взгляд на Глеба, произнесла:

– Следующий!

Приняв паспорт, она торопливо открыла первую страницу и снова подняла глаза на Глеба.

– Вы сбрили усы? – Не дожидаясь ответа, она стала перелистывать странички паспорта. – А куда, скажите на милость, я должна поставить штамп? Все забито, нет ни одной свободной странички! Вам необходимо как можно быстрее заменить паспорт и, если уж вы решили теперь ходить без усов, то сделайте заодно новую фотографию... И кстати – так вам значительно лучше, – добавила она, ставя печать на еле отыскавшемся пустом пространстве.

– Спасибо за доброе слово! Вы находите, что мне так больше идет? – с интересом разглядывая девушку-пограничника, произнес Глеб.

– Да, следующий! – произнесла девушка, возвращая паспорт.

– А-а, Михалыч, да ты ловелас! – Расплылся в улыбке охранник, едва Глеб подошел к нему. – У, как она на тебя запала! И так сразу! Слушай, симпатичная блондинка, а глаза... глаза какие! Ты видел? И улыбалась тебе так мило... Чего растерялся-то? В таких случаях телефончик просят. Ну, когда еще в следующий раз на тебя, стареющего Конфуция, обратит внимания столь молодая и симпатичная девушка!

– Ой, болтун, спасу нет! – прервал поток советов Глеб. – Вон, вижу, чемоданы наши плывут. Иди лучше тележку подгони, а то глаза он разглядывает... Девушка просто вежливый сотрудник пограничной стражи и все, не более того. – Сделав паузу, он поднял обе руки и аккуратно потрогал место, где еще недавно были усы. – Слушай, – снова обратился к Алексею, – а может, и правда – мне без усов лучше? Тридцать лет носил – не задумывался, а теперь вот как-то непривычно, словно не моя губа, чужая.

Охранник, положив чемоданы на тележку, внимательно посмотрел на Глеба:

– Слушай, а что ты их вообще сбрил? Здорово... Две недели с тобой был, а только сейчас заметил, что ты у нас словно юноша! Конечно так-то лучше: и моложе стал, и симпатичней. Интересно, кто это тебя надоумил-то?

– Да вот, есть люди. – Ухмыляясь, Глеб взял тележку и пошел к зеленому коридору выхода из пограничной зоны. – Не то, что ты, невнимательный. Я уже не две недели, а целый месяц, как усы сбрил. Вот только на блондинок и смотришь, глазки им строишь... Босс внешность поменял, а он и не видит! Иди уже – Манечка вон ждет. Сейчас она тебе быстро мозги вправит! – Глеб рассмеялся. – Посмотрим, как ты сейчас, в ее глазки глядя, запоешь! Шагай уже, советчик фигов!

С улыбками на лицах они вкатились с тележками в толпу ожидающих. И, как это было уже много раз, Алексея встречала жена и прыгающие вокруг папы мальчики-подростки, а Глеба – его престарелые родители.

– Привет, сынок! – Отец уверенно подтянул Глеба к себе и, царапая щетиной, крепко поцеловал.

Мама, обхватив своих больших мужчин, стояла, прижавшись к ним, словно боялась что-то пропустить или не услышать. Она так любила встречать сына, испытывать трепетную радость от его возвращения домой, чувствовать облегчение, выбрасывая накопившиеся страхи и опасения за его жизнь и здоровье...

– Ну что ты, мам, уткнулась там внизу?.. Я прилетел, все нормально. – Глеб, взяв двумя ладонями лицо матери, посмотрел ей в глаза. – И что ты меня из Африки как после войны встречаешь? Все хорошо: я вернулся, видишь, живой, здоровый. – Глеб наклонился и поцеловал влажные и счастливые глаза матери.

Он разглядел в толпе встречающих Алексея, окликнул его и, жестом попрощавшись, произнес:

– Пошли уже домой, старички...

Отец взял тележку с чемоданом и направился к выходу из аэровокзала. Мама, подхватив сына под руку и семеня за широко шагающими мужчинами, стала рассказывать, сколько вкусностей она наготовила, как замечательно они сейчас посидят и как много всего им нужно рассказать друг другу...

Дорога из Шереметьево до дома как обычно была ужасной и раздражающей. Автомобильные пробки на кольцевой сменяли друг друга, словно передавали эстафету, но, свернув в сторону области, машина сразу поехала быстрее, и уже скоро им открылся вид на многоэтажки, построенные Академией Наук еще в далекие социалистические годы.

Выйдя из машины они, продолжая обсуждать прошедшие семейные события, вошли в подъезд. Каждый раз, заходя в дом родителей, Глеб испытывал неловкость и чувство вины. Так было и на этот раз. Вид покосившихся и местами сторевших почтовых ящиков, гнутых и поломанных перил, ядовито-зеленой краски на стенах угнетал его убожеством и безысходностью. Поднимаясь по ступенькам к лифту, нос улавливал смешанные запахи мусоропровода, туалета и хлорки. Казалось, болото бедности затянуло всех обитателей этого дома на самое дно жизни.

Однако когда открывалась входная дверь в квартиру, происходило чудесное превращение, словно в сказке про Буратино: за нарисованным очагом был другой мир. И теперь, едва войдя в прихожую, Глеб сразу оценил красоту накрытого на кухне стола.

В тарелках лежали молоденькие опята с тонко порезанным луком и маленькими факелами гвоздик, селедочка сияла фиолетовым цветом жирных бочков, жареная картошка с салом манила своим ароматом, а струящийся пар, растворяясь в воздухе, усиливал предвкушение начала застолья.

Соленая капуста с клюквой и морковкой лежала в тарелке полной горкой и вызывала желание попробовать хоть щепоточку, хоть маленькую ложечку только для того, чтобы убедиться: так ли она божественно вкусна, как выглядит.

Холодец в металлическом судочке был уже порезан на квадратики, а через пластиночки белесого жира проглядывали зубчики чеснока.

– Ну, мамуля! – Потирал руки отец, усаживаясь на свое законное место у окна. – Доставай рюмочки, мясо давай, сироп из облепихи – все давай: пировать будем!

– Ты и сам не сиди, – привычно парировала мать. – Водка в морозильнике, хлеба порежь, банку с огурцами открой – не сиди, давай! Ты-то, чай, не гость...

– Вот так, сынок... Вот так она меня всю жизнь пилит, гоняет: то ей сделать, то подать – покоя нет, – по-доброму ворчал отец, открывая трехлитровую банку с огурцами.

Через несколько минут все приготовленное было на столе; холодная водка покрыла инеем стекло рюмок, вилки, наколов закуски, застыли в воздухе в ожидании тоста.

– Сын, – в который раз уже за этот вечер произнес отец это слово, – мы с мамой очень рады, когда ты приезжаешь, когда сидишь за этим столом, когда у тебя все хорошо, поэтому сегодня будем пить только за тебя. Давай, дорогуша! – Отец потянулся и поцеловал Глеба. – За тебя!

Он выпил и хлопнул рюмкой по столу, обозначая ее пустоту.

– Гусар прямо! – сказал Глеб и, следуя примеру отца, так же громко поставил пустую рюмку на стол.

Потом все пошло и покатилося с настроением и желанием общаться, говорить и слушать, выпивать и закусывать.

Глеб рассказывал об Африке, отец – о рыбалке, мать – о постоянно растущих ценах в магазинах, и все это было гармонично и так в удовольствие... Ужин, наполненный теплотой общения, двигался от салатов к горячему, плавно подходя к чаю и своему завершению.

Водка и долгий день принесли усталость, поэтому, когда в коробочке из-под вафельного торта остались только крошки, все, дружно распахав в холодильник остатки ужина, отправились спать.

Он лег тут же, на кухне. Мама разобрала ему диван, постелила пахнущее свежестью белье и, уходя, поставила на стол стакан с водой; она понимала: после водки всегда хочется пить.

Ночь выдалась беспокойная: он просыпался, пил воду, ворочался, снова пытаясь заснуть, прокручивал в голове одни и те же мысли и почему-то потел.

Утром, когда он проснулся, на краю дивана, сложив руки на коленях, сидела мама. Она внимательно и тревожно смотрела на него.

– Что, мам, что-то случилось? – Глеб потянулся и, отведя плечи назад, слегка прогнулся в спине. Тело было словно чужое и странно ныло в позвоночнике и суставах.

– Сыночек, ты спал очень беспокойно, – тихо произнесла мама. – Кричал во сне, стонал даже, и вот смотрю – потный весь... Не заболел ли? – Она придвинулась поближе и опустила ладонь на лоб сына. – Давай, я принесу тебе градусник?

Не дожидаясь ответа она, подхватившись, быстро пошла в комнату. Было слышно, как открывались дверцы шкафов, шуршание выдавало не только поиски градусника, но и заблаговременный подбор лекарств.

– Мам, не надо таблеток... Ты же знаешь: не люблю я эту химию глотать. Давай уж лучше чайку крепкого с облепиховым сиропом пару чашечек, а недомогание – это акклиматизация началась, так всегда бывает. Иди сюда, не копайся там в своих аптечных закромах.

Она вернулась, протянула ему градусник и начала хлопотать над завтраком, но неприятное предчувствие стало заполнять ее мысли, а холодок страха за сына тонкой струйкой побежал по нервам.

Глеб сидел на диване с градусником и прислушивался к себе.

Шея и ворот футболки действительно были мокрыми от пота, спина ныла, словно всю ночь работала, ноги, особенно ступни, были отекавшие; ему хотелось потянуться и немножко поохать.

– Что за ерунда... – сказал Глеб, наконец протягивая градусник.

– Тридцать восемь и четыре... А может, он врет?

– Ничего не врет... Давай-ка ложись! – И мама принялась бегать по квартире. – Сейчас позвоню отцу, чтобы быстро шел домой – он на работе. А тебе давай вызову врача на дом, пусть послушает, посмотрит, выпишет лекарство, какое нужно... Все, друг дорогой, попался ты мне, теперь лечиться будешь!

К приезду врача температура дошагала до тридцати девяти, вылез глубокий, внутренний кашель, тело гудело и становилось чужим.

Дежурный врач с недовольным лицом осмотрел Глеба и, поставив диагноз – острое респираторное заболевание, сел за стол и начал выписывать лекарства.

– Извините, доктор... – Подошла к нему мама. – Может сразу, не дожидаясь ухудшения, выписать ему антибиотик?

– Да нет, это обычная простуда, – не поднимая глаз от рецепта, произнес доктор. – Температуру собьете – горчичники на грудь и отхаркивающий сироп три раза в день.

Глеб закрыл глаза, слабость проникла в его мышцы и отдавалась ноющей болью. Он чувствовал, что происходит что-то неладное: температура поднималась подозрительно быстро.

Отец сидел тут же на кухне и молча переводил взгляд то на доктора, то на лежащего Глеба, сострадание и сожаление застыли на его лице. Вчера еще было так хорошо: сидели за столом, разговаривали, а сегодня какая-то зараза навалилась на его единственного сына и мучает того изнутри.

После ухода врача мама взялась готовить куриный бульон, отец пошел в аптеку за лекарствами, а Глеб, пытаясь отвлечься от мыслей и болезни, стал переключать каналы маленького кухонного телевизора.

Но уже минут через двадцать глаза устали, потекли слезы и стало понятно: телевизор можно только слушать.

Мама, налив в кружку куриного бульона, снова присела на краешек дивана и стала рассматривать своего сына.

На его загорелом лице в уголках глаз отпечатались белые полосы морщин, седины на висках стало еще больше, руки, такие же большие, как у отца, спокойно лежали на груди, сопящие дыхание говорило ей: мальчик заснул.

Сейчас она вспоминала, как кормила его до двух лет грудью, как собирала в детский сад, надевая чулки на пажиках, а он, вернувшись из группы, однажды принес ей нанизанную на травинку землянику. Маленькому ему очень нравилось собирать грибы. Бегал такой, чуть выше травы, щечки круглые... Найдет гриб – и радости на весь лес! Торопится, спотыкается – скорее его в корзинку положить!.. И глаза счастьем светятся.

Она вздохнула... Сколько прошло времени, событий пронеслось, сейчас он сам дедушка, скоро пятьдесят лет, а что-то в его жизни не так, видно. Что-то не ладится, да разве он расскажет, упрямый такой...

Она снова вздохнула, поднялась и пошла в комнату. Проходя мимо фотографий на стене, задержалась – все самые дорогие люди были тут: муж, сын, внуки, правнук. Она молча, наверное, уже в тысячный раз посмотрела на снимки и, пройдя в комнату, легла отдыхать.

Глеба разбудил яркий свет люстры; рядом с ним стояли двое мужчин в белых халатах, родители сидели на стульях, лица их выглядели напуганными и трагичными.

– Так, мужчина, – сказал врач, – давайте поднимайтесь, я вас послушаю... Значит, вы вчера прилетели из Африки, а сегодня у вас температура тридцать девять и пять, кашель... так-так... – продолжал доктор, приступив к осмотру Глеба. – Ваши родители нас вызвали. Говорят,

вы во сне сильно стонали и они не могли вас разбудить. Ну-ка ложитесь, я потрогаю печень... Странно, но все симптомы вируса гриппа. Знаете что, вас нужно отсюда забирать: вы можете заразить родителей. Кроме того, считаю нужным отвезти вас в инфекционную клинику – пусть они по анализам поставят вам точный диагноз. Собирайте его в дорогу. – Повернулся он к притихшим родителям. – С собой белье, средства гигиены, продуктов не нужно.

Мама со слезами на глазах заметалась по квартире, отец, ощутив приближение какой-то беды, сидел на стуле и от безысходности слегка покачивал головой. Все происходящее пугало: его мальчика сейчас куда-то увезут, и что покажут анализы – неизвестно. Страх за здоровье сына сковал его – неужели опять беда стучится в дом...

– Ну, что ты, отец, – сказал Глеб, прерывая его размышления.

– Не грусти, со мной все будет хорошо. Я чувствую: два три дня – и вернусь. Тогда и договорим, и допьем. Пошли, поможешь мне до машины добраться, а то от температуры голова кружится...

Когда «скорая» отъехала, родители еще долго стояли у подъезда – им не разрешили сопровождать его, объяснив это карантинном и неясностью заболевания.

Лежа на носилках, Глеб в окошко видел только ночные фонари; где-то вдалеке мелькали высотные здания. Он любил ночную Москву. Еще студентом гоня на мотоцикле по вечерним улицам, ему нравилось чувствовать меняющиеся запахи свежего хлеба, вымытого асфальта и фабрики «Красный Октябрь» на набережной Москвы-реки.

Встречаясь с девушками, он обязательно показывал им свои любимые места: Воробьевы горы, подземный дебаркадер Калининского проспекта, куда завозились товары для всех его магазинов, Александровский сад и, конечно же, Лужники с его аллеями и тропинками. «Скорая» незаметно подъехала к какому-то серому зданию и остановилась. Поднимаясь с помощью санитара по ступенькам крыльца, Глеб успел прочесть на табличке, висящей над входными дверями, что-то о вирусологии Азии, Африки, паразитах и прочей, тому подобной ерунде.

Голова его кружилась, ноги еле слушались; было чувство, что сейчас, несмотря на все усилия, он рухнет прямо тут, в приемном отделении. Ему кто-то начал задавать вопросы, но все вокруг стало распадаться и проваливаться. Последнее, что он запомнил – его подхватили чьи-то руки.

...Открыв глаза, Глеб посмотрел в окно: сумерки. Голова не кружилась, видимо, снизилась температура, попа болела от уколов, из вены к капельнице тянулась белая трубочка.

Осматриваясь по сторонам, он заметил на стене черную кнопку с надписью «вызов». В сознании промелькнула мысль, что пора кому-то задать целую кучу вопросов, и он с усилием несколько раз нажал на этот контактор с внешним миром.

Секунды ожидания тянулись неприятно долго, за дверью ничего не происходило, даже приближающихся шагов не было слышно. Он позвонил еще раз, более настойчиво.

Минут пять, уже теряя терпение, он резвился с кнопкой когда, наконец, услышал цоканье каблучков по керамической плитке. Секунда, другая – и дверь открылась. На пороге палаты стояла красивая, средних лет женщина-врач с добрым, улыбающимся лицом.

– Глеб Михайлович, что случилось? Почему такое нетерпение? – Доктор подошла ближе, подвинула табурет и присела, глаза ее озорно светились. – У меня хорошие новости для вас: мы обследовали кровь – никаких страшных инфекций у вас нет. Это просто непривычный для нашего региона вирус гриппа на фоне сниженного иммунитета. Побудете у нас еще недельку – и домой.

– Что значит еще недельку? – удивленно произнес Глеб. – Вы хотите сказать, что я тут уже неделю нахожусь?!

– Да, вы тут уже шестой день. Сон был необходим как лекарство. Мы вас подкормили витаминами, глюкозой... Словом, сейчас состояние улучшается. Немного беспокоит сердце...

Кардиолог говорит, что один из сосудов находится в состоянии стресса, зажат, но чуть позже мы и за него возьмемся.

– Слушайте, доктор, а почему ко мне такое внимание? Отдельная палата... И вообще: где я нахожусь?

– Ну, кто распорядился провести вам полное обследование я, конечно, не знаю... Думаю, у вас есть высокопоставленные друзья. А находитесь вы в военном госпитале Министерства обороны.

– Боже, загадок становится все больше и больше... – Глеб приподнялся на локте и, став немного ближе к врачу, произнес: – А скажите, доктор, могу ли я принять где-нибудь душ, почистить зубы, словом, привести себя в порядок?

– Туалет у вас в палате, вот за этой дверью. – Доктор указала рукой на левую дверь. – Правая дверь – это зал. Там есть телевизор, книги, телефон... Если у вас больше нет вопросов, то я пойду?

– Да-да, пожалуйста. Если что, я уже знаю, на какую кнопку нажимать.

Как только дверь за улыбчивой докторшей закрылась, Глеб поднялся и, прямо вместе со стойкой капельницы пошел в зал. Обнаружив телефон, набрал номер родителей.

– Алло! – Трубку подняла мама. – Глебушка, ну, слава Богу, хоть голос твой услышать! Нас к тебе не пускают и передачи не берут, словно тюрьма какая!

– Да, мам, тут такие порядки... Но вы не волнуйтесь, теперь я буду звонить каждый день. Мне и правда – уже намного лучше. Врачи говорят: обычный грипп. А дней через пять так вообще – обещают и домой отпустить. У вас-то как? Никого не зацепило? Отец как себя чувствует?

– Все хорошо! – Мамин голос звучал бодро и искренне. – Мы сами даже не чихнули. К нам, правда, приезжали и брали кровь на анализ. К Алексею твоему тоже ездили, кровь проверяли, – он нам звонил. У него тоже все нормально, не волнуйся. Сынок, знаешь, отец звонил на Кипр твоей Виктории, просил приехать, поухаживать за тобой в больнице, но она отказалась. Говорит, не может клиентов своих оставить. Я подумала, лучше я тебе расскажу, а то отец на нее уж больно злой, ругается...

В телефоне воцарилось молчание, Глеб понимал – это вызов, жена показывала свой характер и отношение к нему в связи с потерей денег в Африке.

– Да ладно, мам, что мы, сами не справимся? – В голосе зазвучали интонации досады и сожаления. – Действительно, как ей оставить своих теток, у нее в салоне запись на месяц вперед. Да и не так уж я и плох, а пока она долетит, так вообще выздоровею. Отцу привет передавай, скажи, пусть не сердится на Викторию. Целую, пока.

Глеб с трубкой в руках откинулся в кресле и закрыл глаза – слабость и недомогание еще держали его тело; в комнате тикали часы, за окном стало совсем темно.

– Может, позвонить ей?.. – заговорил он сам с собой. – И что я ей скажу? Прописные истины?.. Нет, прилечу на Кипр, тогда и поговорим, а сейчас только нервы мотать. И все, хватит о ней думать, пустое это...

Неожиданно телефон в руках зазвонил, Глеб даже несильно вздрогнул. Открыв глаза, поднес трубку к уху.

– Да, вас слушают.

– Глеб Михайлович. – Этот голос он узнал сразу. – Я надеюсь, вам уже лучше, а то вы нас напугали – сознание стали терять. Слава Богу, ваши родители подсказали нам, куда вас повезла «скорая помощь». Видите, мы друзей в беде не бросаем, а когда снимут карантин, я пришлю за вами свою машину и сможем спокойно обо всем поговорить. Всего вам хорошего, выздоравливайте... – В трубке слышались гудки.

– Вот это да-а... – протяжно и многозначительно произнес Глеб. – Так они наверняка думают, я им камень привез... Вот, значит, кому я таким сервисом обязан, вот кто обо мне

заботу проявляет. И что же мне теперь делать?.. Ладно, на раздумье и выработку версии у меня есть пять дней... Если, конечно, кого-то может устроить версия потери денег и камня одновременно. Эх, невеселая история вырисовывается, м-да...

Глеб поднялся с кресла и так же тяжело добрался до кровати. Наступающий вечер и вколотые ранее лекарства клонили в сон, капельница была еще наполовину полна.

«Ничего, сами ночью придут – или отключат или заменят», – пробежала последняя мысль в засыпающем сознании Глеба.

Часть 2

Алексей бодро шагал по улице, настроение его было отличным: только что ему сообщили результаты анализов крови – он здоров и, соответственно, не мог заразить свою семью.

Торопясь домой с желанием скорее сообщить жене хорошую новость он, словно барьерист перепрыгивая через несколько ступеней сразу, взлетел на четвертый этаж и мигом оказался у своей квартиры.

Открыв дверь ключом, зашел в кухню. За столом чаевничали две самые дорогие ему женщины. Жена, которую он нежно называл Манечкой еще с момента их знакомства, и его младшая и любимая сестра Настя.

– Все, девочки, у меня все отлично! Кровь замечательная, проблем со здоровьем нет никаких. Налейте-ка и мне чайку, и поесть чего-нибудь набросайте, – выговорил он, усаживаясь за стол. – Слушай, Настя, – обратился он к сестре, – ты помнишь Глеба-то моего? Так он сейчас в больницу загребел, такую крутую! Я с его родителями хотел навестить друга – так не пустили; кругом охрана, заборы с колючей проволокой. Одно плохо, худо ему: пять дней в реанимации без сознания лежит – вирус какой-то африканский подхватил. Старики мучаются, кругами ходят, а Виктория его с Кипра так и не прилетела... Вот! – Оглянулся он на жену. – Люби вас, содержи, а потом плохо будет, так вы и бросите!

– Ой, вот этого не надо!.. Вот это хватит песен, как говорят у них в Одессе. Небось, подружку себе какую молодую завел, – накрывая на стол, иронично произнесла жена Алексея. – Правда, Настя? Знаем мы вас, мужиков. Вы в любом возрасте глазками по коленям да вырезам шарите, и босс твой – не исключение. Вот я в аэропорту видела его, он уже без усов был; выглядит так хорошо, похудел... И скажите мне, что это не женщина сделала!

– Настя, ты чего сидишь, словно потерянная? Расстроилась из-за чего или что?

Алексей после слов жены посмотрел на сестру – та действительно сидела бледная и напуганная.

– Настена... – Слегка приобняв за плечи сестру, Алексей заглянул ей в глаза. – Что тебя так напрягло?

– Нет-нет, ничего, – пробормотала та пересохшими губами. – У меня просто сегодня первый день, вот неожиданно низ живота и прихватило. Вы не волнуйтесь, я пойду в ванну, лицо холодной водой ополосну.

Зайдя в туалет и закрыв дверь на щеколду, она включила воду и посмотрела в зеркало. Слезы текли из ее глаз, она зажмурила глаза и сжала кулаки – хотелось рыдать в голос, но нужно было держаться. Несколько раз глубоко вздохнув, как учил ее Глеб, она стала умываться холодной водой и шептать себе под нос:

– Он живой, живой... Умирал – а я ничего не знала, ничего... Господи, помоги ему, прошу! Люблю я его, очень люблю, дорог он мне, единственный мой... Помоги ему!

Когда Настя вышла из туалета, Алексей уже поел и, обнявшись с женой, сидел на диване в большой комнате.

– Настюха, иди сюда, – позвал он ее в зал. – Ну, что ты, все нормально? Как, скажи, там мой племянник поживает, двойки тебе уже приносит? Кстати, что не хвастаешься? Говорят, тебе муж новую машину купил? Иди, садись к нам. – Постучал Алексей по дивану, приглашая сестру присесть рядом.

– Лешик, я домой поеду... Что-то нехорошо мне, болит все, потом приеду. Обязательно поболтаем... А дома все нормально, приветы от вас передам.

Выйдя на улицу, Настя немного постояла, словно хотела еще успокоиться, и потом медленно пошла к припаркованной недалеко от подъезда машине. Свой автомобиль она увидела сразу. Белая «Ауди ТТ» блестела хромом и новизной.

Достав ключи с массивным брелоком, она почувствовала, ощутила всеми своими женскими фибрами и антеннами души, как сейчас кто-то рассматривает и оценивает ее.

Мужчины или женщины – Насте было не принципиально, определяющим был сам факт: они смотрели на нее, они провожали ее взглядами, и в этот момент она пополняла энергию своей красоты и значимости. Конечно, ее ужасно раздражали назойливые мужики, гоняющие за ней по улицам Москвы с посвистыванием на светофорах или демонстрирующие глупые жесты руками, но она с удовольствием отмечала, как солидные, симпатичные мужчины с интересом разглядывают ее и машину.

Вот и сейчас, сев в автомобиль, она легким поворотом головы оглядела всю улицу и сразу заметила завоеванные ею трофеи: на углу дома двое молодых людей смотрели на нее с нескрываемым любопытством и в окне второго этажа соседнего дома тоже кто-то подавал ей знаки.

Настя, словно ничего не замечая, повернула солнцезащитный козырек на себя и посмотрела в зеркало. Покопавшись в сумочке, она достала помаду с блестками и, приступив к восстановлению макияжа, снова взглядом пробежала по своим зрителям – все стояли на своих местах.

Убрав помаду, девушка завела двигатель, изящно, прямыми пальчиками пощелкала кнопками СД-проигрывателя и, найдя нужную мелодию, чуть добавила громкости динамикам.

Снова посмотрев по сторонам, но сейчас уже для определения направления движения, Настя, взявшись двумя руками за руль, немного поерзала попкой по кожаному сидению в поисках дополнительного комфорта для тела, передвинула рычаг автомата в положение «Д» и нажала на газ.

Полный привод и мощный двигатель вполне отвечали ее озорному настроению и она, вначале плавно объезжая припаркованные во дворе автомобили, вдруг резко вырвалась на простор дороги.

Маленький эпизод кокетства добавил ей игривости и девушка, решив для себя, что обязательно напишет Глебу сообщение чуть позже, повела автомобиль в свой любимый бутик.

Ей всегда нравилось ездить по дорогим магазинам, но этот был для нее особенным. Тут ей нравилось все: отношение к ней со стороны хозяйки магазина и продавцов, большой выбор и часто меняющиеся коллекции известных кутюрье, бокал шампанского в примерочной и возможность отложить понравившуюся вещь на неделю.

Так было и на этот раз. Девушки-продавцы мило улыбались, она мерила юбки, брюки, но особенно ей понравился сарафан с яркими большими цветами на светлом фоне.

Она смотрела на себя в зеркало и любовалась – сарафан подчеркивал ее фигуру: узкую талию, плоский живот и отсутствие дурацких бочков, с которыми она боролась посредством диет и занятий в спортивном зале. Подойдя вплотную к зеркалу, Настя стала рассматривать свое лицо: зеленые глаза, усиленные цветом линз, казалось, светились изнутри, маленькие морщинки еще не упали на гладкую и загорелую кожу, легкая улыбка открывала ровные и белоснежные зубы.

Привычным движением заправив волосы за ухо, она крутнулась на месте и, не обращая внимания на восторги и комплементы бегающей вокруг нее хозяйки бутика, пошла к стенду с бижутерией – подбирать крупные зеленые бусы.

В эти минуты Настя была полностью счастлива: мысленно она уже решила для себя, что сарафан забирает. Пусть даже не сейчас, а может через неделю, но он будет принадлежать ей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.